ГОДЪ ПЕРВЫЙ. № 2. 15 ДЕКАБРЯ 1878.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

Цѣна подписки:
На 1 годъ . . . . . 6 руб.
„ 1/2 года . . . . . 3 „
Цѣна отдѣльнаго №:
въ Петербургѣ . . . 25 к.
„ провинціи . . . . 35 „

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Подписчики получаютъ безплатно всѣ изд. „Нет. Вольн. Тип.“

Подписка на журналъ, а также корреспонденціи и статьи принимаются у лицъ, публикѣ извѣстныхъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Признаки времени. — Образцы державнаго краснорѣчія. — Фальсификація литературы и новые революціонеры. — **На смерть П. М. Ковальскаго** (Стихотвореніе). — **Фельетонъ.** Письма чистосердечнаго россіянина (Письмо второе). — **Одесса во время суда надъ Ковальскимъ** §§. — **Корреспонденціи.** Изъ Калинской станицы. — Изъ Харькова. — **Наши домашнія дѣла.** Правительственные документы. — Придворное извѣстіе. — Отголоски исторіи Цитовича. — Волненія въ учащейся молодежи. — Къ хроникѣ арестовъ въ Петербургѣ и провинціи. — **Извѣстія.** Съ Новой Бумагопрядильни. — Изъ Архангельской губерніи. — Изъ Кишинева. — Изъ Одессы. — **Изъ-за границы.** Союзъ Ливорнскихъ студентовъ имени Карла Нобилинга. — Біографическія свѣдѣнія о Хуанѣ Рамонѣ Олива И' Монкуси. — **На сѣвую воду!** (Мелкія извѣстія, замѣтки, курьезы, слухи). — **Объявленія и извѣщенія.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ. — Быстрое распространеніе перваго № нашего журнала, превзошедшее всякія ожиданія, не дало намъ возможности удовлетворить запросу на него публики, въ особенности провинціальной. Въ виду этого, желающимъ имѣть полное годовое изданіе „Земли и Воли“ мы предлагаемъ заблаговременно заявлять о томъ нашимъ агентамъ. Въ случаѣ достаточнаго количества подобныхъ требованій, мы отпечатаемъ первый № вторымъ изданіемъ.— Опытъ перваго № заставилъ насъ печатать второй № въ удвоенномъ количествѣ экземпляровъ. Отчасти это обстоятельство, а главнымъ образомъ желаніе наше дать читателямъ извѣстія о послѣднихъ событіяхъ задержали своевременный выпускъ втораго № „Земли и Воли.“

Текущій 1878 годъ долго будетъ памятенъ человѣчеству, какъ одинъ изъ этаповъ поступательнаго шествія революціи. Никѣмъ не судимые, никому не подсудные земные боги — цари и царскіе временщики — убѣждаются на собственной шкурѣ, что и на нихъ есть судъ. Рѣшавшіе однимъ почеркомъ пера вопросъ о жизни и смерти человѣка съ ужасомъ увидали, что и они подлежатъ смертной казни.

Перебирая въ памяти различныя эпохи исторіи, мы нигдѣ не встрѣчаемъ такого настойчиваго повторенія покушеній на жизнь представителей монархическаго принципа, какъ въ текущемъ 1878 году.

Что это: случайное совпаденіе или признакъ времени?

Первому предположенію никто не вѣритъ, и всего менѣе мы, соціалисты-революціонеры. Мы и взялись за перо, чтобы, по мѣрѣ силъ, выяснить смыслъ безпримѣрныхъ въ исторіи событій, совершившихся на глазахъ всей Европы. Мы считаемъ своею обязанностью взяться за эту задачу, такъ какъ до сихъ поръ, несмотря на горы исписанной бумаги, ни въ иностранной, ни въ нашей отечественной прессѣ никто не рисковалъ взглянуть прямо въ глаза стоящимъ передъ нами событіямъ. Кромѣ благороднаго негодованія, иногда искренняго, а чаще напускного, кромѣ сшитыхъ на живую нитку соображеній о зловредныхъ элементахъ общества, о «шайкахъ интернаціоналистовъ»,—мы не слыхали ничего въ объясненіе совершившихся покушеній противу коронованныхъ особъ. Все это, можетъ быть, очень благонамѣренно, но крайне тенденціозно, и дѣла нисколько не разъясняетъ. Но если мало сдѣлано до сихъ поръ для безпристрастнаго анализа вопроса, то, наоборотъ, досужихъ гипотезъ, путаницы и лжи внесено въ него такъ много, что желающему бросить въ публику самостоятельный взглядъ на дѣло приходится, волей-неволей, разобраться первоначально среди этого хаоса и подвергнуть критикѣ ходячія сужденія и афоризмы, возведенные чуть ли не на степень неопровержимыхъ аксіомъ.

Прежде всего, мы намѣрены выяснить разницу между покушеніями на жизнь коронованныхъ особъ въ Европѣ и тѣми примѣрами казни предателей, шпіоновъ и высокопоставленныхъ злодѣевъ, къ которымъ вынуждена была прибѣгнуть революціонная партія въ Россіи. Видимое, внѣшнее сходство этихъ событій дало поводъ прессѣ сваливать ихъ въ одну кучу и возводить къ одному и тому-же источнику эти два совершенно различныя явленія.

Отвѣтственность за смертную казнь преступниковъ въ Россіи открыто и явно брала на себя русская соціально-революціонная партія. Она нетолько оффиціально признавала совершившіеся факты, заявляла заранѣе о своихъ приговорахъ и давала предостереженія, но и объясняла всегда мотивы своихъ приговоровъ передъ публикой. Изъ этихъ объясненій очевидно, что тяжелая карающая рука русскаго революціонера подымается всегда на защиту интересовъ своей партіи, и только на ихъ защиту. Изъ совершившихся до сихъ поръ фактовъ нельзя заключить, чтобы русскіе революціонеры нападали преимущественно на какой нибудь отдѣльный классъ общества или представите-

лей извѣстной идеи. Съ идеями они борются идеями же. Тактика же ихъ—просто тактика воюющей стороны: бьемъ тѣхъ, кто бьетъ насъ, кто намъ опасенъ, и потому, что онъ намъ опасенъ. Говорятъ, Мезенцевъ былъ очень добрый человѣкъ,—можетъ быть! Но по отношенію къ русскимъ революціонерамъ онъ былъ звѣремъ, дикимъ звѣремъ, мучителемъ по призванію,—и на него былъ направленъ ударъ. Баронъ Гейкингъ былъ либералъ; онъ, говорятъ, даже предупреждалъ какое-кого изъ своихъ знакомыхъ объ обыскахъ и арестахъ,—но относительно русскихъ революціонеровъ онъ держалъ себя крайне подло; это былъ двуличный и опасный человѣкъ для революціонеровъ, искусный шпіонъ, угрожавшій свободѣ многихъ лицъ,—и онъ былъ казненъ. Русскіе революціонеры преслѣдуютъ съ одинаковой безпощадностью какъ высокопоставленнаго злодѣя, такъ и простого уличнаго шпіона или болтуна-доносчика. Во всемъ этомъ они руководятся лишь интересами своей партіи, а до одобренія или порицанія общества имъ нѣтъ дѣла.

Послѣ 4 авг. часто приходится слышать въ обществѣ: «отчего русскіе революціонеры не убьютъ Толстого?» Заявленіе такого рода звучитъ крайне странно: оно показываетъ, что, не смотря на неоднократныя разъясненія, русское общество никакъ не можетъ взять въ толкъ тактики революціонеровъ. Къ смертной казни революціонеры прибѣгаютъ тогда, когда не остается другихъ средствъ для защиты. Но развѣ все русское общество настолько безсильно, что не можетъ справиться съ однимъ негодяемъ-министромъ? Развѣ оно, если-бъ захотѣло, если-бъ дѣйствительно любило своихъ дѣтей, не могло избавить ихъ отъ пытокъ классическихъ гимназій? Предлагать казнить смертью человѣка за то, что у насъ нѣтъ достаточно гражданскаго мужества — это поступокъ, которому и имени не подберешь. Русскіе революціонеры ясно высказали, что къ смертной казни они прибѣгаютъ только для спасенія жизни и свободы своихъ собратій, для избавленія ихъ отъ чрезмѣрныхъ страданій, и когда требуетъ этого спасеніе чести партіи. Впрочемъ, все это высказано было уже не одинъ разъ, и мы пользуемся даннымъ примѣромъ съ Толстымъ только для того, чтобы наглядно выставить разницу между дѣйствіями русской революціонной партіи и четырехкратнымъ покушеніемъ на жизнь европейскихъ монарховъ.

Совсѣмъ иной характеръ носятъ эти послѣднія покушенія.

Прежде всего очевидно, что попытки эти не были дѣломъ какой нибудь организованной партіи, а результатомъ личной инициативы самихъ покушавшихся. Ни относительно Геделя и Нобилинга, ни относительно Монкуси и Пассаменте не доказано никакихъ признаковъ принадлежности ихъ къ какому нибудь сообществу. Относительно Нобилинга, напримѣръ, не смотря на неоднократныя требованія рейхстага, правительство упорно отказывается предъявить документы слѣдствія по поводу второго покушенія противъ германскаго императора.

Очевидно, что эти документы плохо подтверждаютъ правительственную теорію объ участіи нѣмецкой соціальной демократіи въ попыткѣ Нобилинга.

Но и безъ этого очевидно для всякаго, что зачисленіе Геделя и Нобилинга въ ряды нѣмецкой соціалистической партіи — такая нелѣпая натяжка, которой будутъ удивляться всѣ, какъ только публика освободится отъ угнетающаго аффекта страшныхъ событій.

Гедель и Нобилингъ если и были соціалистами, то никакъ не соціаль-демократами. Первый—вѣчный бѣднякъ, рабочій-самоучка, эксцентричный и крайне оригинальный характеръ—былъ изгнанъ соціаль-демократами изъ своей партіи за непочтительное и критическое отношеніе къ ея вожакамъ. Да и въ соціально-демократическихъ кружкахъ вращался онъ безъ году недѣлю, ровно столько же, сколько и у Staatssocialist'овъ и въ другихъ многочисленныхъ Verein'ахъ Германіи.

Чѣмъ же доказываетъ нѣмецкое правительство, держащее въ тайнѣ слѣдственные документы по дѣлу Нобилинга, связь послѣдняго съ соціаль-демократами? Тѣмъ, что онъ бывалъ нѣсколько разъ на публичныхъ собраніяхъ нѣмецкихъ соціалистовъ и читалъ иногда «Vorwaerts». Но кому не извѣстно, что эту газету читаютъ даже полицейскіе, а на публичныхъ собраніяхъ соціалистовъ бываетъ всякій. Соціалистическій образъ мыслей Нобилинга*) нисколько не доказываетъ принадлежности его къ нѣмецкой соціальной демократіи. Ex-профессоръ Дюрингъ—тоже соціалистъ, но вожаки соціальной демократіи считаютъ его своимъ злѣйшимъ врагомъ. Наконецъ, кто знакомъ (не по слухамъ и не по доносамъ буржуазныхъ газетъ) съ нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ, тотъ согласится, что террористическія стремленія были нетолько чужды соціаль-демократіи, но возбуждали въ ней неодолимое отвращеніе: это былъ одинъ изъ пунктовъ постоянныхъ пререканій между нею и соціалистами-революціонерами. Стоитъ только припомнить, какъ позорила нѣмецкая соціаль-демократическая пресса берлинскихъ мучениковъ, съ какимъ злорадствомъ и ненавистью она бросала комья грязи на смертный одръ Нобилинга и на эшафотъ Геделя,—и для всякаго будетъ ясно, что никакой, не только дѣловой, но даже просто нравственной солидарности между ними быть не могло. Скажутъ: это политика, желаніе выгородить себя. Но всему есть границы. Нельзя же ради политики позорить свое дѣло, подрывать въ него вѣру и стараться очернить самихъ личностей, исполнителей велѣній партіи.

Мы совершенно свободно и со спокойной совѣстью выгораживаемъ нѣмецкую соціальную демократію изъ дѣла Геделя и Нобилинга. Мы думаемъ даже, что нашъ голосъ въ этомъ вопросѣ для безпристрастнаго читателя будетъ убѣдительнѣе всѣхъ торжественныхъ заявленій и криковъ буржуазныхъ газетъ. Насъ, русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, никто не можетъ заподозрить въ кумовствѣ и пристрастіи къ нѣмецкой соціаль-демократіи. Извѣстно всѣмъ, что наши взаимныя отношенія нерѣдко были очень натянуты. Кто знакомъ съ исторіей соціалистическаго движенія за послѣд-

*) До сихъ поръ даже нѣтъ достаточныхъ основаній считать Нобилинга соціалистомъ; напротивъ, всѣ данныя говорятъ за то, что онъ былъ **демократъ-республиканецъ**.

ніе семь лѣтъ, тотъ знаетъ, что большинство русскихъ революціонеровъ-соціалистовъ всегда заявляло свою солидарность съ антагонистами нѣмецкихъ соціаль-демократовъ, членами федералистическаго интернаціонала.

Наконецъ, мы не думаемъ, что, отнимая Геделя и Нобилинга у нѣмецкой соціальной демократіи, мы этимъ оказываемъ ей услугу; мы знаемъ, что практической пользы для нѣмцевъ наше опроверженіе не можетъ принести. Мы настаиваемъ на этомъ только для того, чтобы указать существенную разницу между событіями, совершившимися въ нынѣшнемъ году въ нашемъ отечествѣ и за границей, потому что это намъ важно для послѣдующаго изложенія.

Самый характеръ покушеній показываетъ, что они были предпринимаемы на страхъ и отвѣтъ покушавшихся, ихъ личными средствами. Всѣ они предприняты были съ очень ограниченными средствами; мы нигдѣ не видимъ слѣдовъ посторонней помощи, слѣдовъ участія хотя двухъ лицъ или даже пособничества. Имѣй, напримѣръ, Нобилингъ друзей и сообщниковъ, ему легко было бы обезпечить себѣ болѣе вѣрный успѣхъ дѣла, видоизмѣнивъ какъ-нибудь планъ. Объ остальныхъ троихъ и говорить нечего. Относительно Геделя самый фактъ покушенія подлежитъ сомнѣнію. Самъ Гедель до конца отрицалъ его, хотя для него самого было очевидно, что смерти онъ не избѣжитъ. Передъ нами, съ одной стороны, показанія темныхъ личностей, съ другой—признаніе безстрашнаго человѣка, умершаго такъ, какъ рѣдко умираютъ и герои. Кому же вѣрить?

Монкуси и Пассаменте устроили свои попытки такимъ образомъ, что онѣ могли удасться только чудомъ. Послѣдній долженъ былъ продать послѣднюю куртку, чтобы купить орудіе покушенія. «Если-бы у меня были друзья и сообщники, они бы мнѣ дали денегъ, я бы тогда купилъ себѣ револьверъ»—съ наивностью ребенка и съ трогательной искренностью героя заявляетъ Пассаменте допрашивающимъ его и ругающимся надъ нимъ судьямъ.

Есть еще одно соображеніе, которое дѣлаетъ мысль о сообщникахъ крайне-невѣроятной.

И Монкуси, и Гедель, и Пассаменте, и Нобилингъ, поднимая руку на монарховъ, обрекали себя на вѣрную смерть. Ни одинъ изъ нихъ не пытался обезпечить себѣ отступленіе или возможность скрыться. Самые планы ихъ построены такимъ образомъ, что въ нихъ промѣнивается жизнь на жизнь.

Виданное ли дѣло, чтобы кто-нибудь, обрекая себя на смерть, сталъ разсказывать объ этомъ? Рѣшеніе подобной важности человѣкъ принимаетъ, совѣтуясь только со своею совѣстью, и таитъ его въ глубинѣ души. Монкуси не сказалъ объ этомъ даже и женѣ своей, матери его ребенка, единственной опорѣ его въ труженической и скитальческой жизни. И сильному человѣку не легко принять такое рѣшеніе, а разъ принявши его, объ немъ не разсказываютъ.

Или, можетъ, существуетъ тайный революціонный трибуналъ, который посылаетъ по свѣту свои ордеры, вродѣ такихъ: Ей, Гедель, умри! Ей, Джіовани, рѣжь Гумберта!

Но подобныя гипотезы могутъ возникать только въ головахъ политическихъ младенцевъ, начитавшихся романовъ Пуансонъ-дю-Террайля.

Ни соціальная демократія, ни Интернаціоналъ, ни какая-либо другая организованная политическая группа не можетъ приписывать себѣ кого-либо изъ цареубійцъ.

Откуда же они взялись, что они за люди?

Кромѣ организованныхъ группъ, представителей различныхъ стремленій, въ обществѣ существуетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ личностей, которыя воспринимаютъ въ себя «идеи вѣка». Въ массахъ народа зарождаются смутно, почти инстинктивно извѣстныя требованія; несмотря на задавленное положеніе сѣраго люда, въ него, какъ бы путемъ диффузіи, проникаютъ передовыя идеи мыслителей; онѣ формируются въ извѣстные лозунги, которые носятся въ воздухѣ. Случается нерѣдко, что прежде, чѣмъ народъ напишетъ эти лозунги на своемъ знамени, прежде чѣмъ онъ водрузитъ его во главѣ сомкнутыхъ рядовъ своего боевого расположенія, онъ высылаетъ отдѣльныхъ партизановъ, застрѣльщиковъ противъ непріятеля. Натуры чуткія, сильныя, воспріимчивыя раньше другихъ ощущаютъ жгучее дыханіе приближающагося урагана. Море спокойно, только свѣжій вѣтерокъ весело надуваетъ паруса; но надъ кораблемъ уже съ зловѣщимъ крикомъ носятся чайки-буревѣстники—и морякъ знаетъ, что будетъ буря, хотя еще и не чувствуетъ ея.

Вглядываясь въ лица четырехъ мучениковъ, мы въ нихъ видимъ дѣйствительно людей, какъ бы отмѣченныхъ печатью судьбы, предназначенныхъ быть передовыми піонерами грознаго будущаго. Нечеловѣческое безстрашіе, забвеніе своей личности, великая внутренняя сила, не ищущая ни опоры, ни совѣта въ другихъ, сознаніе своей провиденціальной миссіи—вотъ черты, которыми отмѣчены характеры Геделя, Нобилинга, Монкуси и Пассаменте.

Всѣ четверо—страстные искатели истины и люди, глубоко недовольные современными порядками. Гедель странствуетъ изъ одного общества въ другое, страстно борется за выполненіе ихъ программъ, но нигдѣ не находитъ удовлетворенія. У Монкуси это «хожденіе по вѣрамъ», какъ говорятъ наши сектанты, началось еще со школьной скамьи и закончилось чѣмъ-то, напоминающимъ русское хожденіе въ народъ—трудовой жизнью рабочаго. Въ Монкуси, этомъ добровольномъ отщепенцѣ, яснѣе еще чѣмъ въ другихъ, сказывается общая всѣмъ мученикамъ и подвижникамъ потребность страдать страданіями человѣчества. Фанатикъ Пассаменте, старый заговорщикъ и революціонеръ, то страстно изучаетъ біографіи Орсини, Кассія и Брута, то читаетъ религіозно-мистическія книги. Не одинъ разъ люди, исполненные любви къ человѣчеству, утомленные тяжелой работой надъ задачей освобожденія людей отъ цѣпей неправды, этой молитвой въ саду Геѳсиманскомъ до кроваваго пота, падали въ изнеможеніи и искали успокоенія и отвѣта на роковой вопросъ въ мутномъ источникѣ религіозныхъ заблужденій. Несомнѣнно, что у Пассаменте бывали та-

кіе моменты, и онъ не избѣжалъ въ этомъ случаѣ судьбы О. Конта, Ньера Леру и многихъ другихъ современныхъ намъ дѣятелей, именъ которыхъ мы не назовемъ. И онъ въ отчаяніи искалъ спасенія и свободы людей тамъ, гдѣ ковались только цѣпи да зажигались костры, на которыхъ горѣли подобные ему мученики за правду.

Всѣ трое прошли горькую школу бѣдности и имѣли возможность оцѣнить, во что обходится народу наша пресловутая цивилизація и что достается изъ благъ ея на его долю.

Подобно тому, какъ Гедель, Пассаменте и Монкуси тщетно искали правды и успокоенія среди труждающихся и угнетенныхъ, Нобилингъ тщетно искалъ ее въ наукѣ и среди существующихъ политическихъ партій. Онъ также успѣлъ испробовать нѣсколько профессій: былъ и ученымъ, и чиновникомъ, и международнымъ политическимъ агитаторомъ. Извѣстно, что онъ въ Германіи и Англіи писалъ брошюры и агитировалъ на митингахъ противъ русско-германскаго союза въ восточномъ вопросѣ. Онъ тоже былъ искателемъ правды въ современномъ обществѣ. Строгій умъ его, дисциплинированный наукой, не далъ ему уклониться въ мистицизмъ, какъ это бывало съ Пассаменте, но и онъ не нашелъ иного исхода, кромѣ берлинскаго покушенія.

Таковы въ блѣдныхъ чертахъ силуэты четырехъ героевъ. На что же указываетъ намъ ихъ появленіе? какой смыслъ кровавыхъ событій нынѣшняго года? Для отвѣта на этотъ вопросъ, намъ надобно сдѣлать небольшое отступленіе.

90 лѣтъ тому назадъ французскій народъ хоронилъ общественный порядокъ королей «божіей милостію» и десятинныхъ поборовъ, juris primae noctis и вѣры въ безсѣмянное зачатіе, вѣры въ Господа, распятаго за грѣхи міра, и въ непогрѣшимость папы, распинавшаго гугенотовъ. Осмѣянный Вольтеромъ, проклятый Руссо и подкопанный въ корень энциклопедистами, порядокъ этотъ былъ потрясенъ до основанія, и человѣчество вступило въ новый періодъ всемірной исторіи — періодъ революцій! Хотя революція 1789 года, провозгласившая ниспроверженіе идоловъ и права человѣка, не успѣла осуществить своей задачи, но сѣмя, брошенное ею, не пропало безслѣдно. Судъ надъ Людовикомъ XVII и грозныя слова, раздавшіяся во время его съ «горы» конвента: «Людовикъ Капетъ повиненъ смерти уже за то, что онъ былъ королемъ!»—глубоко запали въ памяти народовъ.

Напрасно старый порядокъ пытался заявить снова свои права на господство! Тщетно онъ то взывалъ къ памяти Варѳоломеевской ночи, то пускался на компромиссы съ новымъ вѣяніемъ, искалъ новыхъ союзниковъ, пытался, вмѣсто культа царя-бога, создать культъ золотого тельца, — желанный порядокъ и тишина до сихъ поръ еще остаются недостижимой мечтой правительствъ.

Движеніе пошло и въ глубь, и въ ширь; хартія правъ человѣка вдохновляла мыслителей и поэтовъ. Вдохновеніе и анализъ безпощадно добивали старую гидру; скромная хартія правъ человѣка разрослась въ ученіе современнаго революціоннаго соціализма. Великія идеи свободы и равенства, высказанныя передовыми умами начала и средины XIX вѣка, стали стихійной силой, двигающей массами. Хартія свободы XIX вѣка — статуты Интернаціонала — сдѣлалась символомъ вѣры обездоленнаго пролетаріата.

Короли «божьею милостію», короли новаго издѣлія— «божьею милостію и волею народа», и консервативныя республики безъ республиканцевъ — то заключали между собою союзы и заговоры противъ освобожденія народовъ, то одѣвали въ шутовскіе костюмы своихъ подданныхъ и водили ихъ истреблять другъ друга во имя призраковъ прошлаго.

Многіе льстили себя надеждою, что послѣ Садовой и Седана, послѣ Парижской кровавой недѣли и рѣзни на Балканскомъ пол., среди утомленныхъ народовъ водворится гробовая тишина и давно желанный порядокъ.

Но вотъ на разныхъ концахъ Европы появляются изъ нѣдръ народа грозные образы предтечъ грядущей мировой бури.

Наканунѣ еще неизвѣстные никому, эти четыре гиганта начертали «Мани, Факелъ, Фаресъ» современнымъ идоламъ.

Появленіе ихъ показываетъ, что идеи революціи сдѣлались уже достояніемъ массъ.

Чувство человѣческаго достоинства современнаго человѣка не можетъ не возмущаться при видѣ тѣхъ божескихъ почестей, которыя воздаются живому истукану — царю.

Въ отдѣльныхъ личностяхъ подобное поклоненіе тварямъ возбуждаетъ такое же чувство омерзенія, какое испытывалъ христіанскій апостолъ при зрѣлищѣ чествованія идоловъ. Борецъ за освобожденіе человѣчества, подобно древнему апостолу, налагаетъ свою руку на идоловъ, не взирая на то, что дикая толпа готова растерзать его за это.

Христіанскій апостолъ безразлично сожигалъ и разбивалъ, какъ истукановъ Перуна и Молоха, такъ и изящныя статуи древнихъ греческихъ боговъ.

Современные намъ герои выступаютъ и противъ обрызганнаго кровью 1848 года императора Вильгельма, и противъ несовершеннолѣтняго Альфонса, и противъ либеральнаго члена либеральной савойской династіи — Гумберта.

Здѣсь нападенія дѣлались не на личность того или другого короля, а на монархизмъ, или, правильнѣе, объявлялась война политическимъ идоламъ.

Впечатлѣніе, произведенное этими покушеніями на революціонную Европу, основаніе въ Ливорно союза студентовъ имени Карла Нобилинга — показываютъ намъ, что ненависть къ старымъ идоламъ и авторитетамъ не только не замолкла, но принимаетъ все болѣе и болѣе острый характеръ.

Это доказываетъ намъ, что вмѣстѣ съ ниспроверженіемъ золотого тельца — идола современности, грядущая революція не оставитъ въ покоѣ и другихъ истукановъ.

Но провозвѣстники новой борьбы противъ тирановъ — вмѣстѣ съ тѣмъ и жертвы древнему Молоху.

Мы переживаемъ тяжелую эпоху: жизнь поставила

такія требованія, которыя не укладываются въ архаическія рамки государства. Главная потребность современнаго человѣка, потребность въ разумной правдѣ и справедливости, не находитъ въ немъ удовлетворенія.

Геройскія натуры находятъ одинъ исходъ для себя изъ невыносимыхъ условій современности: отреченіе отъ своей личности, самопожертвованіе.

И современный экономическій строй, и государственный порядокъ, и старые идолы религіи и монархизма не даютъ хода живымъ человѣческимъ стремленіямъ; они, какъ путы и кандалы, сковываютъ современнаго человѣка, дышать становится трудно, воздухъ спертъ и удушливъ, какъ передъ грозой.

Откуда придетъ эта гроза, гдѣ раздадутся первые раскаты грома, мы не знаемъ,—знаемъ только, что она придетъ.

Про героевъ монархическихъ покушеній можно сказать то же, что одинъ историкъ реформаціи сказалъ про умирающаго Гусса: они стоятъ какъ бы на рубежѣ двухъ эпохъ: лица ихъ освѣщены и зловѣщимъ пламенемъ ауто-да-фе, и кроткимъ свѣтомъ зари восходящаго солнца новой эпохи.

Изъ этихъ высокихъ сферъ, гдѣ куется будущее, гдѣ отдаютъ себя на закланіе старымъ богамъ борцы за это новое лучшее будущее, спустимся на минуту въ область дѣятельности великихъ людей на малыя дѣла и посмотримъ, какъ отнеслись европейскія правительства къ грознымъ предвѣстникамъ будущихъ событій.

Короли скрылись на Капрею, подобно Тиверію, и пустили въ ходъ противъ живыхъ стремленій современности свое старое, изъѣденное ржавчиной оружіе—реакцію.

Нѣмецкое правительство, не имѣя возможности доказать участія соціалистовъ въ попыткахъ Геделя и Нобилинга, тѣмъ не менѣе обрушило на нихъ всю силу гоненія.

Новый законъ противъ соціаль-демократовъ, запрещеніе всей соціалистической прессы, административныя высылки и, наконецъ, «малое осадное положеніе»—вотъ чѣмъ стремится обезпечить свою жизнь императоръ Вильгельмъ, сознающійся, однакоже, что противъ испытанныхъ имъ несчастій никакія предосторожности помочь не могутъ.

Примѣру нѣмцевъ не замедлили послѣдовать Испанія и Италія. Это и понятно. Правительства и опора современнаго строя — буржуазія, давно искали хорошенькаго предлога сдѣлать вылазку противъ соціалистовъ.

Сотни обвиняемыхъ за оскорбленіе величества въ Германіи могли бы указать императору, что несмотря на крики «hoch!», которыми встрѣчаетъ его толпа, ненависть къ нему въ народѣ насчитываетъ многихъ представителей и внѣ рядовъ соціальной демократіи.

Но правительство знаетъ, что самый непримиримый врагъ его—соціализмъ. Его нельзя закупить никакими подачками, какъ другія партіи. Онъ будетъ вести борьбу, пока будетъ существовать современный строй.

Это самая крайняя партія, не скрывающая ни отъ себя, ни отъ враговъ, что ей рано ли, поздно ли придется на смерть сразиться съ защитниками государства, религіи и собственности. Поэтому, цари и буржуазія всякій ударъ, направленный противъ нихъ, приписываютъ соціалистамъ и противъ нихъ направляютъ всю силу реакціи.

Насколько цѣлесообразны мѣры стѣсненія противъ соціалистовъ, тому живой примѣръ мы, русскіе революціонеры.

Наша партія возникла и развивалась при условіяхъ, гораздо болѣе тяжкихъ, нежели теперешнее положеніе соціалистовъ въ Германіи. Мѣры берлинскаго осаднаго положенія для насъ были бы верхомъ правительственнаго либерализма, и, несмотря на это, мы существуемъ и надѣемся не безъ успѣха продолжать нашу работу.

Мы даже думаемъ, что реакція окажетъ услугу нѣмецкимъ соціалистамъ, заставитъ ихъ тѣснѣе сомкнуть свои ряды, избавитъ отъ иллюзій и тѣхъ ложныхъ друзей, которые прячутся въ норку при первой опасности.

Становитесь въ боевую позицію, товарищи, скажемъ мы имъ, реакція—лучшая школа для революціонера!

Одновременно съ извѣстіями о реакціонныхъ мѣрахъ противъ соціалистовъ, газеты разносятъ слухи о проэктахъ международнаго преслѣдованія революціонной агитаціи.

Дружескія услуги князя Бисмарка, оказанныя имъ русскому правительству послѣ 4 Авг., арестованіе и выдача Россіи нѣсколькихъ ея подданныхъ, проживавшихъ въ Берлинѣ и заподозрѣнныхъ въ соціализмѣ, а также лишеніе правъ академическаго гражданства 30 русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ—все это доказываетъ, что шпіонскій интернаціоналъ по немногу организуется.

Въ виду такихъ событій, намъ остается предложить нашимъ западнымъ товарищамъ организацію международнаго союза для борьбы съ полиціей и ея агентами.

Оставляя въ сторонѣ разницу нашихъ теоретическихъ и практическихъ программъ, мы формально отъ имени русской соціально-революціонной партіи предлагаемъ соединиться для частной цѣли—борьбы съ общимъ врагомъ, реакціей.

Союзъ этотъ, конечно, долженъ быть тайнымъ.

Цѣли его: скрытіе слѣдовъ агитаціи и преслѣдуемыхъ лицъ, взаимная помощь въ дѣлѣ борьбы съ правительствомъ и борьба общими силами и общими средствами противъ наиболѣе вредныхъ и наиболѣе наглыхъ агентовъ реакціи.

Мы не сомнѣваемся въ успѣхѣ нашего предложенія, и пусть онъ будетъ отвѣтомъ на терроръ реакціи!

Есть рѣчи — значенье темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья внимать невозможно.

Императоры заговорили!

Послѣ долгаго молчанія нашъ баринъ наконецъ разразился рѣчью въ Москвѣ. Опальная Москва наконецъ дождалась къ себѣ въ гости царя, и царь нетолько снова ѣлъ московскую хлѣбъ-соль, но и рѣшился произнести нѣсколько безсвязныхъ фразъ.

Рѣчь, разумѣется, была передана всѣми газетами и

привела ихъ въ несказанное умиленіе. Въ ней узрѣли намеки на такія обѣщанія, которыя и въ голову не приходили нашему монарху.

Намъ кажется, что вѣрнѣе всѣхъ опредѣлилъ значеніе этой рѣчи «Голосъ», сравнивая ее со звономъ. О чемъ-же звонитъ императоръ, что вѣщаетъ онъ намъ? «Великую скорбь» или «великій праздникъ»? Должно-быть праздникъ, потому что великая скорбь была возвѣщена два года тому назадъ. Царскіе праздники бываютъ разные: сошьетъ себѣ императоръ мундиръ—подданные празднуютъ, прибавится къ царской семьѣ новый младенецъ, поглощающій около сотни тысячъ въ первый годъ своего младенческаго существованія—опять праздникъ, усмирятъ нигилиста—тоже праздникъ.

Какой-же изъ такихъ праздниковъ обѣщаетъ царь въ своей рѣчи?

Замиреніе съ туркомъ? — Нѣтъ. Послѣ Санъ-Стефанскихъ и Берлинскихъ договоровъ царь насъ все еще кормитъ завтраками на счетъ замиренія. Да и миръ-то не такой, чтобы ему можно было радоваться.

Праздновать мы будемъ, оказывается, вступленіе Россіи на новый путь; путь этотъ оказывается тѣмъ же самымъ, которымъ мы идемъ все время или, вѣрнѣе, на которомъ мы толчемся столько лѣтъ.

Обѣщалъ еще царь съ помощью общества обратить на путь истины «заблуждающуюся» молодежь.

Послѣднее обѣщаніе не приводитъ насъ въ умиленіе: мы видѣли какъ мягко и гуманно обращаютъ эту молодежь на путь истинный! Для нея создали и исключительные суды, и центральныя тюрьмы, за преслѣдованія ея награждаютъ генералами отъ кавалеріи, а въ послѣднее время за излишнюю вѣру въ гуманность наслѣдника престола, эту молодежь стегали казацкими нагайками.

Если царская рѣчь и возбуждаетъ вниманіе, то своей крайней безсодержательностью и той наивной безцеремонностью, съ которой онъ открыто на словахъ заявляетъ совершенно противуположное тому, что происходитъ на дѣлѣ.

Новый путь, на который мы вступаемъ и о которомъ царь не говоритъ ни полслова,—это банкротство, съ одной стороны, и царство урядниковъ—съ другой.

Если эта перспектива такъ заманчива, то, пожалуй, будемъ устраивать праздникъ по поводу нея.

Впрочемъ москвичи, передъ которыми царь говорилъ свою рѣчь, больше всего обратили вниманіе на то мѣсто ея, гдѣ онъ говоритъ о своей смерти, и прервали скорбное заявленіе императора крикомъ «ура!» (вѣроподданическая радость по случаю переселенія повелителя въ лоно Авраамово).

Дяденька нашего царя, Василій Федоровичъ, императоръ германскій говоритъ гораздо опредѣленнѣе. Онъ благодаритъ Берлинцевъ за то, что они утѣшили его, старика, въ горести и согнули въ бараній рогъ ненавистныхъ ему соціаль-демократовъ. Старикъ чисто по-дѣтски, искренно радуется и благодаритъ своихъ вѣрноподданныхъ за урѣзку политической свободы; онъ прямо утверждаетъ, что очень радъ былъ пострадать для общаго блага, т. е. для усиленія власти полиціи и введенія осаднаго положенія.

Слова германскаго императора доказываютъ намъ еще разъ, что всякій монархъ въ душѣ автократъ и на признаніе свободы подданныхъ согланается только, какъ на необходимость.

Рѣчь нѣмецкаго императора полна курьезовъ.

Онъ заявляетъ, напримѣръ, что два выстрѣла заставили его задуматься надъ своими дѣйствіями, отдать себѣ отчетъ, такъ ли онъ поступалъ въ своей жизни, какъ требовали совѣсть и общественное благо?

Боги небесные! Что за чудовищное признаніе!

Надо, значитъ, приставить дуло револьвера къ груди царя, чтобы онъ подумалъ о той страшной отвѣтственности, которая лежитъ на немъ, какъ на распорядителѣ судебъ народовъ, чтобы онъ усумнился въ своей непогрѣшимости.

Василій Федоровичъ недаромъ дружитъ съ русскимъ царемъ и, говорятъ, симпатизируетъ русскому народу. — Добрая половина его рѣчи, которую онъ проситъ слушателей распространять во всѣхъ кружкахъ (авторское сомолюбіе и ему не чуждо), представляетъ собою варіаціи на русскую пословицу: «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится».

Узнаемъ мы изъ рѣчи же императора, что соціаль-демократы въ покушеніяхъ на его жизнь не при чемъ—всему виной «воля провидѣнія».

Не убили—воля провидѣнія, убили бы—тоже воля провидѣнія.

Нельзя ли, ваше величество, засадить эту волю провидѣнія въ Шпандау, чтобы не мутила народъ?

«Голосъ» снова накинулся на русскія безцензурныя изданія, цѣль которыхъ, по его мнѣнію, «безпокоить» безмятежное идиллическое настроеніе общества. Лепетавшій когда-то, заурядъ съ другими газетами, о свободѣ прессы «Голосъ» не находитъ достаточно крѣпкихъ бранныхъ словъ людямъ, сдѣлавшимъ первую попытку говорить свободно. А безпокойства нашъ листокъ очевидно приноситъ легальному органу немало: тому порукой — его судорожная, нервная брань противъ насъ. Онъ не возражаетъ, не опровергаетъ, а только ругается,—ругается насколько хватаетъ силъ и въ то же время утверждаетъ, что на него накидываются «съ пѣной у рта». Къ ругательствамъ «Голоса» мы давно уже привыкли, къ доносамъ тоже. Сотрудники этой милой газеты устраиваютъ доносы не только въ печати, но и съ бокалами въ рукахъ, въ дружеской бесѣдѣ сотоварищей. Все это не заставило-бы насъ пожертвовать нѣсколькими строками на отвѣтъ нашему оппоненту; но органъ Краевскаго, Бильбасова и К° пускаетъ въ ходъ новый пріемъ борьбы, который мы считаемъ нужнымъ разоблачить передъ публикой. Считая вѣроятно, что бороться противъ «Земли и Воли» обыкновенными литературными пріемами не совсѣмъ удобно, «Голосъ» надѣлалъ фальшивыхъ цитатъ яко-бы изъ нашей газеты и разражается по поводу нихъ бранными филиппиками. Читатели нашей газеты могутъ убѣдиться

сами, а для остальной публики мы считаемъ нужнымъ заявить, что всѣ предложенія въ ковычкахъ и перифразы, выдаваемыя «Голосомъ» за заимствованія изъ «Земли и Воли», — произведенія фантазіи органа Краевскаго.

До сихъ поръ у насъ поддѣлывались только цѣнные бумаги и документы. Краевскій съ компаніей, вѣроятно прельстившись этимъ занятіемъ, принялись фальсифицировать литературныя произведенія. Не знаемъ, даетъ ли это занятіе такія-же выгоды, какъ и поддѣлка векселей, но оно вполнѣ безопасно,—вѣдь мы не имѣемъ возможности привлечь къ суду г. Краевскаго за литературный подлогъ.

Возражать такимъ противникамъ, вести съ ними полемику — мы считаемъ унизительнымъ для себя, тѣмъ болѣе, что «Голосъ» въ клеветническомъ наѳосѣ доходитъ просто до самозабвенія. Такъ напримѣръ, въ статьѣ его есть очень темный намекъ на какихъ-то революціонеровъ, проповѣдующихъ по своему катехизису «союзъ съ ворами и разбойниками».

Союзъ этотъ, какъ извѣстно, давно уже заключенъ и практикуется, только не тѣми, кого у насъ принято называть русскими революціонерами.

Краевскій, должно быть, тонко и темно намекаетъ на другихъ лицъ, безсознательно подрывающихъ основы семьи и собственности широкимъ пользованіемъ общественнымъ достояніемъ и чужимъ карманомъ. На это точно также указываетъ и сближеніе, дѣлаемое передовицей «Голоса» между политическими и скандальными процессами.

Однако, какъ ни тонко сдѣлано подобное сближеніе между революціонерами и союзниками «воровъ и разбойниковъ», мы не совѣтовали бы вамъ, г. Краевскій, играть съ огнемъ.

Вы, конечно, не хуже нашего знаете, и вся Россія это знаетъ, кто состоитъ въ союзѣ съ Юханцевымъ, Грегеромъ, Горвицемъ, Коганомъ и строителями мониторовъ, нетрогающихся съ мѣста.

Какъ же это вы лѣзете изъ кожи, чтобы втереться въ переднюю къ этимъ людямъ въ качествѣ лгуна и дожнаго доносчика, и въ то же время дѣлаете сближеніе между ними и революціонерами?

НА СМЕРТЬ Н. М. КОВАЛЬСКАГО.

Снова бой неравный съ дикой силой...
Жертвой палъ еще одинъ герой.
Надъ его безвременной могилой
На врага сомкнется-ль грозный строй?

* * *

Всѣ-ль пойдемъ подъ знамя правой мести?
Иль на камень брошено зерно?..
Нѣтъ! На нивѣ вольности и чести
Плодъ желанный принесетъ оно.

* * *

Жалкій страхъ не породитъ измѣну,
Пусть борьба неравна и трудна:
Ужь намъ идутъ бойцы на смѣну—
И побѣда наша рѣшена!

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ПИСЬМО ЧИСТОСЕРДЕЧНАГО РОССІЯНИНА

II.

Часто случается слышать жалобы русскихъ обывателей на грубость городовыхъ. Эти жалобы — не произведеніе новаго времени, когда изданы спеціальные законы для охраненія священной особы городоваго. Теперь городовой грубъ и нагълъ сугубо, потому что начальство въ этой грубости и наглости видитъ лучшій оплотъ противъ разрушительныхъ элементовъ. Но городовой былъ грубъ всегда, даже и тогда, когда ему и отъ начальства рекомендовалось не хватать безъ разбору обывателей за шиворотъ. Сколько было дѣлъ у мировыхъ изъ-за оскорбленій, нанесенныхъ полиціей обывателямъ! Сколько разъ газеты съ благороднымъ негодованіемъ требовали, чтобы начальство внушило городовымъ уваженіе къ публикѣ! Начальство подчасъ и внушало, но толку все-таки выходило мало. Хватанье за шиворотъ и побои продолжали практиковаться, а публика продолжала роптать на городовыхъ и на начальство, которое недостаточно строго карало самоуправство своихъ агентовъ.

Какъ всегда и вездѣ, у насъ виновато было одно начальство, дающее поблажку внутреннимъ туркамъ; своей же вины мы и не замѣчали, не думали о томъ, что городовой не можетъ быть вѣжливымъ уже въ силу своей обязанности, въ силу отношеній, установившихся между нимъ и большинствомъ публики на основаніи обычая.

Ежедневно городовой сталкивается съ сотнями лицъ въ сѣрыхъ армякахъ, чуйкахъ, нагольныхъ полушубкахъ, покрикиваетъ на нихъ, даетъ имъ подзатыльники, лупитъ ихъ тесакомъ. Жизнь и русское государственное устройство пріучили сѣраго не считая принимать подзатыльники и не гоняться за тычкомъ. Отъ постоянныхъ окриковъ и ругательствъ, голосъ стража благочинія пріобрѣтаетъ мало-по-малу грубый, рычащій, звѣроподобный характеръ. Привычка раздавать пинки, хватать, тащить, не пущать и размахивать руками обращается отъ долговременной практики въ простой рефлексъ. Встрѣчаясь съ человѣкомъ, не привыкшимъ къ позубастикамъ, привиллегированнымъ, стражъ порядка, опора отечества не измѣняетъ для такого экстреннаго, сравнительно рѣдкаго казуса своихъ обычныхъ способовъ усмиренія. Онъ такъ привыкъ къ безнаказаннымъ позубастикамъ и заушеніямъ, что считаетъ ихъ неизбѣжными аттрибутами своей консерваторской миссіи, своимъ правомъ, главной опорой порядка. Теперь же мы дожили до того, что и само начальство признало насиліе наилучшимъ средствомъ охраненія престола, и кто не хочетъ мириться съ насиліемъ, тому тоже нѣтъ другаго средства обороны, кромѣ кулака.

Вспомнимъ статью Добролюбова о помѣщичьей семьѣ и взаимныхъ отношеніяхъ ея членовъ. Родительская любовь нисколько не мѣшала главѣ семейства пускать въ ходъ жестокую кулачную расправу относительно своихъ чадъ. Покойный Николай Александровичъ совершенно вѣрно видитъ въ этомъ результатъ привычки ломать челюсти крѣпостнымъ и пороть ихъ на конюшнѣ. Городовой же не питаетъ родительскихъ чувствъ къ разночинцамъ. Нечего, стало быть, и дивиться тому, что онъ, вопреки закону объ огражденіи личности, въ силу, такъ сказать, обычнаго безправія, даетъ имъ по загорбку, таскаетъ за шиворотъ и т. д.

Если мы согласимся со сказаннымъ, то, очевидно, городовому мало запретить драться, его придется отучать отъ мордобитій. Повторяемость дѣйствій—вотъ элементъ для образованія привычки. Чѣмъ рѣже будетъ представляться случай пускать безнаказанно въ ходъ крѣпкія слова и кулаки, тѣмъ скорѣе отвыкнетъ городовой отъ обычая оскорблять публику. Если любая сѣрая чуйка или полушубокъ будетъ такъ же смѣло и серьезно отстаивать свою личность, какъ и самый храбрый изъ разночинцевъ, если побитіе нейзана будетъ считаться оскорбленіемъ одного изъ равноправныхъ членовъ общества, а не исполненіемъ обязанностей охранителя тишины и порядка,— то и самый наглый городовой присмирѣетъ. Не нужно будетъ никакихъ внушеній со стороны начальства, когда всякій болванъ пойметъ, что человѣческое достоинство нельзя оскорблять безнаказанно. Если не всякій Треповъ или Курнѣевъ пойметъ, что-такое человѣческое достоинство, — то каждый изъ нихъ будетъ знать, что извѣстныхъ дѣйствій общество не допускаетъ и не терпитъ. Имя Трепова попалось на перо очень кстати. Неизбѣжно связанное съ нимъ воспоминаніе о позорномъ истязаніи въ тюрьмѣ даетъ намъ возможность привести аргументъ изъ жизни, насчетъ недостаточности письменныхъ, законныхъ гарантій личности. Треповъ истязалъ Боголюбова, на что по закону не имѣлъ права. Можно ли представить себѣ что-либо болѣе возмутительное? Надобно было ожидать, что презрѣніе общества и кара закона обрушатся всею тяжестію на виновника позорнаго обращенія съ узникомъ. Но на дѣлѣ ничего подобнаго не было. Вся Россія, вся Европа теперь уже знаетъ, какою цѣною и какими средствами отстояло русское интеллигентное меньшинство свое право не быть сѣченымъ!

Читатель-петербуржецъ! Припомни свои ощущенія во время достопамятныхъ событій февраля и марта мѣсяцевъ. Ты конечно трепеталъ за судьбу лучшей изъ русскихъ женщинъ и искренно радовался ея оправданію, радовался избавленію ея отъ преслѣдованій полиціи,—все это такъ, но не прокрадывалось ли у тебя, какъ и у пишущаго эти строки, еще другого, очень тяжелаго чувства? Не приходило ли тебѣ въ голову такихъ соображеній: сколько геройства, какой рискъ, какое безграничное самопожертвованіе, сколько глубокаго, потрясающаго трагизма въ этомъ эпизодѣ новѣйшей русской исторіи! Чѣмъ-же онъ вызванъ, ради чего такая страшная трата силъ? Ради избавленія отъ цашествія иноплеменныхъ? спасенія отъ моровой язвы? Нѣтъ! Просто, чтобы показать нашимъ охранителямъ порядка и спокойствія, что сѣченіе—вещь возмутительная, невыносимая для развитого человѣка.

И этотъ примѣръ безпардоннаго калѣченія русскаго человѣка самодурами — далеко не единственный!

Григорьевъ издѣвается надъ твоимъ словомъ, русское общество, кастрируетъ твою мысль: всякую попытку высказать то, что ты думаешь, запретитель книгъ считаетъ личнымъ оскорбленіемъ для себя! Примѣръ „Голоса“ доказываетъ, что никакое раболѣпство не спасаетъ отъ обезумѣвшаго душегуба мысли.

Толстой уродуетъ твоихъ дѣтей! Не мало родителей оплакиваютъ безвременную смерть своихъ дѣтей, наложившихъ на себя руки, благодаря милому режиму нашихъ школъ.

Дано тебѣ земство, а полицейская власть душитъ всякую земскую самостоятельность! Мысль завести въ столицѣ печатный органъ, защищающій интересы земства—считается государственнымъ преступленіемъ.

Глядя на то, какъ нагло издѣвается надъ русскимъ человѣкомъ шайка грабителей и правителей, можно, пожалуй, подумать: Вотъ смѣлые негодяи! Вотъ ужъ записные герои безстыдства! И бога не боятся, и людей не стыдятся. Хоть они и разбойники, а должно быть люди желѣзнаго характера и воли.

Ничуть не бывало! Ты самъ, конечно, знаешь, читатель, что мозгливѣе, трусливѣе, безхарактернѣе нашего правительства трудно подыскать. Отчего же оно такъ смѣло и рѣшительно душитъ тебя? Душитъ, и при этомъ нагло попираетъ какъ писанные законы, такъ и неписанныя естественныя права гражданина и человѣка?

Все по той же самой причинѣ, по которой и городовой не церемонится съ разночинцемъ на улицѣ. Городовые вовсе не забіяки, вродѣ бреттеровъ изъ гусаръ былого времени, старавшихся отдавливать мозоли прохожимъ, чтобы имѣть поводъ подраться на дуэли.

Мудрено правительству нашему уважать человѣческую личность, когда по его приказу ежегодно перепарываются за неуплату нѣсколькихъ копѣекъ сотни тысячъ крестьянъ, когда ставить должника на правежъ — укоренившійся обычай нашего правительства!

Мудрено ему уважать свободную мысль, когда милліоны его подданныхъ вовсе не заинтересованы въ ея существованіи, когда эта свободная мысль витаетъ только въ головахъ очень и очень не многихъ людей, которыхъ сослать въ Сибирь—гораздо меньше хлопотъ, нежели выбить подати въ одной губерніи!

Запретите какой нибудь популярный журналъ — девять десятыхъ населенія Россіи и не замѣтятъ этого.

Хлѣба съ бересточкой вдоволь хватило бы,
Гдѣ ужъ намъ книжки читать!

скажутъ по поводу такого событія эти девять десятыхъ земли русской.

Твое безправіе, читатель, — прямой результатъ безправія мужицкаго. Четыре пятыхъ русскаго населенія—люди, подлежащіе поркѣ, лишенные всякихъ способовъ самозащиты противу насилій первой форменной фуражки.

Ты, одна пятая часть русскаго народа, изъята отъ тѣлеснаго наказанія, пользуешься и судомъ, и печатью, и плодами цивилизаціи, и реформами: но на какихъ основаніяхъ? На основаніи привилегіи, которую у тебя завтра-же могутъ отнять, не нарушая нисколько общей гармоніи теченія государственной жизни.

Выводъ отсюда ясенъ.

Если мы желаемъ обезпечить себѣ личную неприкосновенность, право свободно выражать и пропагандировать свои мнѣнія, — необходимо, чтобы во всѣхъ этихъ правахъ и привилегіяхъ былъ заинтересованъ самъ народъ. Необходимо, чтобы защита личныхъ правъ была не странной аномаліей, а повседневнымъ явленіемъ. Необходимо, чтобы Вавилы Петровы, Кондраты Васильевы и Потапы Захаровы пожелали свободно выражать свои мнѣнія, обсуждать и рѣшать политическіе вопросы.

„Вы говорите о необходимости народнаго просвѣщенія,—я съ вами согласенъ!“—радостно прерываетъ меня благонамѣренный и умѣренный читатель.

Къ сожалѣнію, я долженъ тотчасъ-же вывести его изъ пріятнаго заблужденія. Не о Соляномъ Городкѣ, не о „Сельской Бесѣдѣ“, не о комитетѣ грамотности, не объ умственномъ развитіи и насажденіи высокихъ наукъ среди поѣдающаго пушной хлѣбъ крестьянства говоримъ мы теперь.

Пусть займутся этимъ люди глубокой практики, искусившіеся въ разныхъ комитетахъ и полицейскихъ участкахъ.

Я же говорю:—если вы желаете провести какое нибудь измѣненіе въ нашу общественную жизнь, провести полно и послѣдовательно,—вы должны заинтересовать имъ сельское населеніе. Этотъ классъ настолько многочисленъ у насъ, что безъ его участія никакая политическая агитація на Руси не возможна.

На Западѣ, впрочемъ, политическія реформы проводились въ жизнь главнымъ образомъ городскимъ населеніемъ, мелкой буржуазіей, на челѣ которой стоялъ цвѣтъ этого сословія—привилегированная, свободомыслящая интеллигенція и крупный капиталъ.

Не подождать-ли и намъ съ нашими проэктами конституціи до тѣхъ поръ, пока у насъ поразовьется промышленность, увеличится въ достаточной мѣрѣ количество богатыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развитыхъ людей,—и тогда ужъ, какъ по нотамъ, по западно-европейскимъ образцамъ разыграть конституціонный водевиль?

Разумѣется, всякое рѣшеніе вопроса, дающее возможность „погодить“, посмотрѣть, выждать, очень пріятно русскому сердцу, но, несмотря на всю свою соблазнительность, такой оборотъ дѣла очень неудобенъ.

Ненависть и недовѣріе къ деспотизму самодержавія растетъ не по днямъ, а по часамъ. Самодержавіе знаетъ это и всю надежду свою полагаетъ на усиленіе штата шпіоновъ, на револьверы городовыхъ и нагайки урядниковъ. Годя и поджидая у моря погоды, мы, наконецъ, очутимся въ такомъ безвыходномъ положеніи, что будемъ готовы броситься съ отчаянія головой въ омутъ, не понимая сами хорошенько, что мы дѣлаемъ.

Война послужила хорошимъ средствомъ для отвлеченія вниманія населенія отъ внутреннихъ дѣлъ: но за то послѣ войны накопившійся недовольства значительно усилился (и было отъ чего!). Это мы всѣ чувствуемъ. Чувствуетъ это и правительство!

Передъ крестьянской реформой баронъ Гакстгаузенъ писалъ царю, чтобы онъ поторопился произвести реформу съ верху, иначе она произойдетъ сама собой съ низу. Мы же въ интересахъ свободы скажемъ: поторопимся взяться за политическую реформу съ низу, чтобы она не была замѣнена негоднымъ суррогатомъ, даннымъ съ верху.

Да и расчетъ на поддержку буржуазіи не совсѣмъ вѣренъ самъ по себѣ. Теперь уже не то время стало. Дешевый трудъ и свобода наживы — завѣтныя мечты буржуазіи — осуществляются теперь, благодаря бога, и безъ политическихъ реформъ! Горвицамъ, Поляковымъ и Коганамъ парламентъ не нуженъ для обсужденія своихъ дѣлишекъ. Парламентъ все таки требуетъ извѣстной гласности и отчетности въ различныхъ сдѣлкахъ между правительствомъ и частными лицами. Въ самодержавной землѣ мошенничать гораздо удобнѣе. Душа нашихъ акціонерно-мазурническихъ предпріятій не имѣетъ надобности и не будетъ именовать себя эгалите, и пивоваръ Ламанскій не будетъ, подобно Сантерру, плясать карманьолу вмѣстѣ съ петербургскими санкюлотами. Разъ на своемъ вѣку капитализмъ продѣлалъ эту комедію—и больше не будетъ. Наши будущіе лавочники получатъ по наслѣдству все, что завоевано было ихъ предками на Западѣ.

Капитализмъ забрался къ намъ уже въ ту пору своего развитія, когда онъ отрѣшился отъ разныхъ національныхъ и политическихъ предразсудковъ. На любую страну міра, въ томъ числѣ и на Россію, капиталистъ смотритъ, какъ на рынокъ труда или сбыта товаровъ. Дастъ ему страна доходъ—и довольно. Самъ же капиталовладѣлецъ можетъ жить и натурализироваться въ любомъ государствѣ. У него есть вилла въ одномъ изъ очаровательнѣйшихъ уголковъ міра. Онъ гражданинъ всѣхъ биржъ Европы. Подданные Александра русскаго, Гамида турецкаго и Викторіи индійской безразлично его работники. Таковъ современный европейскій чистокровный буржуа. Пока у насъ разовьется заправская крупная промышленность, типъ этотъ усовершенствуется еще болѣе. Нельзя ожидать, чтобы предприниматель, торгующій и въ Афганистанѣ, и въ Норвегіи, и въ Дагомейскомъ королевствѣ, захотѣлъ тратить время и деньги на политическую борьбу во всѣхъ этихъ странахъ, ни въ одной изъ которыхъ онъ, вѣроятно, жить не будетъ.

Если теперь главной опорой отечества у насъ, по справедливости, считается человѣкъ, крѣпкій къ землѣ, то относительно будущаго это имѣетъ еще большее значеніе. Англія справедливо считается самой типичной страной буржуазнаго хозяйства, и про многихъ изъ ея сыновъ справедливо говорятъ, что имъ интересы Турціи дороже своихъ отечественныхъ. И въ Писаніи сказано: гдѣ сокровище ваше — тамъ и сердце ваше.

Нѣтъ! Если мы не желаемъ сидѣть у моря и ждать погоды да ходить по ворожеямъ гадать на бобахъ и на гущѣ, — мы должны признать, что единственная опора всякой солидной политической агитаціи на Руси—крестьянское земледѣльческое населеніе. Одинъ публицистъ довольно мѣтко назвалъ Россію государствомъ мужиковъ.

Можно сказать смѣло: у насъ — что мужикъ захочетъ, то и

Инв. № 123

будетъ. Надобно только, чтобы онъ крѣпко и сильно захотѣлъ. Требованіе, опирающееся на крестьянскую массу, будетъ исполнено безпрекословно. Но какъ подойти къ крестьянину съ вопросомъ о политической реформѣ? Голодному, избитому, питающемуся корой Сысойкѣ, отдающему себя и дѣтей своихъ на каторгу за каравай хлѣба,—мы будемъ болтать о народномъ представительствѣ, о свободѣ прессы, ассоціацій и т. д. Онъ навѣрное отвѣтитъ на все это: „А ты мнѣ, поштенный, дай-ка хлѣбушка!“

Разумѣется, ему можно отвѣтить: „ты, Сысоюшка, только похлопочи за насъ, подставляй и лобъ, и спину, а ужъ когда дастъ намъ царь вольную, мы тебя не забудемъ“! На Западѣ не одинъ разъ подъѣзжали къ нему съ подобными рѣчами. Викторъ Гюго, въ своей послѣдней книгѣ „Исторія одного преступленія“, очень обстоятельно раскрываетъ, какъ республиканцы, задушившіе іюньское возстаніе рабочихъ, въ декабрѣ звали ихъ умирать за ту-же республику и совѣтовали при этомъ идти умирать одѣвшись по-приличнѣе, въ сюртукахъ, а не въ затрапезныхъ блузахъ, чтобы не разсердить буржуа.

Но будетъ ли изъ этого толкъ, поддастся ли Сысойка на такую удочку? Вѣрнѣе всего, что мы, съ нашей махинаціей, провалимся еще хуже, нежели эпигоны второй республики. Сысойка—человѣкъ по преимуществу практическій и голодный къ тому же. На всѣ наши увѣщанія, онъ будетъ вопить въ отвѣтъ: „хлѣба! хлѣба! хлѣба!“ Поднять его на такую штуку будетъ трудно. Кромѣ того, если къ Сысойкѣ начнутъ подлѣзать съ такими предложеніями,—противная партія дремать не будетъ. Теперь она очень небрежно относится къ чувствамъ и симпатіямъ Сысойки. Она принимаетъ его вѣрноподданническія чувства, его готовность умирать за царя, какъ нѣчто обыденное, должное. Царь—это избалованная любовница. Самыя нѣжныя ласки ее не трогаютъ, никакія жертвы не приводятъ ее въ умиленіе, потому что она привыкла къ ласкамъ и жертвамъ. Она не можетъ себѣ представить, чтобы дѣло могло стоять иначе. Но чуть Сысойка начнетъ слушать рѣчи о свободѣ—картина измѣнится мгновенно. Передъ нимъ станутъ унижаться и обѣщать ему съ своей стороны всякое благополучіе, ему начнутъ твердить: Сысойка, все твое спасеніе въ царѣ!

И пойдетъ игра: кто изъ двоихъ ловчѣе съумѣетъ перетянуть мужика на свою сторону—царь или русское привиллегированное общество?

Кому нравится подобная перспектива—пусть пробуетъ; что до меня—я вижу въ подобной борьбѣ мало проку.

Въ существѣ дѣла тутъ всѣ будутъ другъ друга водить за носъ: партія либеральная будетъ обрабатывать Сысойку, чтобы при его помощи заставить монархію сдѣлать уступки; монархія приметея надувать Сысойку и либераловъ, чтобы остаться при своемъ; мужички будутъ поочередно тереться то около либераловъ, то около абсолютизма, смотря по тому, кто будетъ больше жертвовать въ ихъ пользу.

Кромѣ того, въ указанномъ пути есть одно капитальное неудобство. При помощи его, свобода не можетъ быть упрочена на незыблемыхъ основаніяхъ, и вотъ почему. Мужикъ, какъ мы говорили, базисъ всякой политической агитаціи на Руси. Прочно только то, за что онъ стоитъ и чего крѣпко желаетъ.

На этомъ же пути Сысойка будетъ ратовать за свободу не ради ея самой и не по собственной иниціативѣ. Онъ совершитъ трудъ политической агитаціи для другихъ, посторонихъ людей, какъ работу по вольному найму безъ контракта, за которую ему обѣщаютъ заплатить хлѣбомъ, землей, сбавкой податей и т. д.

Есть другой, болѣе прямой и вѣрный путь. Но, какъ всѣ прямые пути, онъ требуетъ концентрированныхъ единовременныхъ усилій, напряженной дѣятельности. Онъ обойдется не дороже обходныхъ и кривыхъ путей, но за то требуетъ крѣпкихъ нервовъ, яснаго взгляда на вещи и мужества.

На немъ широкая политическая свобода является не главной задачей дѣятельности; она является, какъ неизбѣжный выводъ ея, какъ неустранимый побочный продуктъ въ химико-техническомъ производствѣ, какъ коксъ при добычѣ свѣтильнаго газа, какъ дымъ при топкѣ печи.

Политическая свобода, полная неприкосновенность личности являются здѣсь не результатомъ прошеній и петицій о свободѣ прессы и неприкосновенности личности, повергнутыхъ къ стопамъ его величества или поданныхъ на концѣ штыка политическаго революціонера, а „закономъ божіимъ, въ сердцахъ людей написаннымъ“.

Крѣпко и стойко охраняетъ свою неприкосновенность только человѣкъ независимаго характера, непривыкшій гнуть спину, изъ-за полушки ломать шапку передъ подрядчикомъ и ложиться безпрекословно подъ розги. Такимъ долженъ быть нашъ Сысойка.

Чего же ему недостаетъ для этого? Онъ чувствуетъ, чего ему недостаетъ.

Недостаетъ ему землицы, душатъ его подати, душитъ произволъ урядниковъ и становыхъ.

Дайте землицы Сысойкѣ, дайте ему неотъемлемо-принадлежащее ему право облагать себя податью по силѣ-возможности, по своему усмотрѣнію,—вы не узнаете этого Сысойки. Этотъ самый Сысой, на тѣлѣ котораго еще остались слѣды поровъ на волостномъ сходѣ по приказу станового, перекрещивающіеся со старыми рубцами временъ крѣпостного права, не позволитъ тронуть себя пальцемъ.

Этотъ Сысой не пойдетъ умирать подъ Плевной въ день именинъ батюшки царя, но не остановится передъ Константинополемъ. Онъ не позволитъ свести со двора послѣднюю телку за подати, но не доведетъ своей страны до табачной монополіи. Онъ клочка сѣна не дастъ для лошади урядника, но не заставитъ сельскаго учителя умирать съ голоду. Онъ не станетъ давать взятки Главному Управленію по дѣламъ печати, хотя журналисты его будутъ печатать свои газеты въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Какимъ же путемъ добиться этого сказочнаго превращенія?

Надобно начать агитацію съ другого конца, надобно дать Сысою то, чего онъ требуетъ.

Поставьте на вашемъ знамени слова: экономическая, поземельная и податная реформа, уничтоженіе паспортной системы, свобода переселеній и передвиженій, бросьте только эти лозунги въ массу Сысоекъ—и вы удивитесь сами ихъ чарующему дѣйствію: ваша свобода убѣжденій, право контроля надъ властями, личная неприкосновенность станутъ внѣ сомнѣнія и внѣ вопросовъ.

Не испугайтесь только той широкой, могучей волны народнаго движенія, которая всколыхнется вслѣдъ за этой агитаціей. А волна будетъ широкая и страшная. Это вѣдь не волненіе эфирной, газообразной или жидкой среды,—это будетъ колебаніе почвы, землетрясеніе!

Однако, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Нелегкая работа предстоитъ на этомъ пути.

Бросить въ народъ тотъ лозунгъ, о которомъ мы говоримъ, далеко не такъ легко, какъ подать прошеніе на высочайшее имя (хотя и это довольно трудно).

Люди русскіе, жаждущіе политической свободы, должны обречь себя на защиту крестьянскихъ интересовъ, крестьянскихъ требованій и желаній. Они должны являться и ходатаями его на судѣ и въ земствѣ, дѣятелями сходокъ, вождями въ крестьянскихъ протестахъ, міренными людьми, ссылаемыми въ каторгу и ссылку. Они должны быть хранителями народа отъ всякихъ злоехидныхъ пророковъ монархіи и пропагандистовъ III Отдѣленія.

Вотъ путь къ политической свободѣ на Руси.

Какъ ни парадоксаленъ покажется онъ иному читателю—онъ тѣмъ не менѣе составляетъ прямой выводъ изъ основныхъ положеній, на которыхъ зиждется ученіе о политической свободѣ.

Давно уже сказано было Джоржемъ Мекинтошемъ, что конституція не выдумываются, а сами выростаютъ,—и афоризмъ этотъ сталъ давно уже безспорной истиной государствовѣдѣнія.

Мы же говоримъ только: сдѣлайте способной возростить свободу ту почву, которая покрываетъ собою три четверти русскаго государства.

Другой мыслитель сказалъ, что государственное устройство данной страны—это равнодѣйствующая его экономическихъ и бытовыхъ отношеній.

Освободите ту громадную потенціальную силу, которая скрыта въ народѣ, дайте ей возможность проявить и выразить себя не въ разрозненной мелкой борьбѣ за существованіе, не во взаимномъ самопотребленіи,—и рычагъ вѣсовъ неминуемо наклонится въ вашу сторону.

Сверхъ того—это путь, намѣченный самимъ народомъ. Всегда и вездѣ онъ шелъ отъ экономическихъ вопросовъ къ политическимъ, хотя иногда и казалось, что дѣло идетъ наоборотъ.

И въ нашемъ русскомъ народѣ есть уже почва для подобной агитаціи.

Здѣсь вамъ не придется, какъ среди русской интеллигенціи, собирать по одному человѣку единомышленниковъ и, собравшись вкупѣ, задавать себѣ вопросъ: а на какомъ-же вопросѣ объединяемся мы окончательно?

Народъ выдвинулъ уже и выдвигаетъ постоянно цѣлыя группы протестантовъ. Какъ ни нелѣпа, какъ ни дика покажется вамъ иная форма протеста, присмотрѣвшись къ дѣлу, вы увидите, что нелѣпа только одна форма, неполно, а иногда и превратно выражающая задушевную мечту русскаго крестьянина о вольной землѣ и экономической независимости.

Присмотритесь къ этимъ сектантамъ, проповѣдующимъ второе пришествіе, къ чигиринскимъ крестьянамъ, ждущимъ „слушнаго часа“ и „чернаго передѣла“, дайте себѣ трудъ разобраться въ разныхъ отрывочныхъ извѣстіяхъ нашей аграрно-уголовной лѣтописи, прослѣдите за успѣхами соціалистической пропаганды въ народѣ, посмотрите, что даетъ жизненную силу всѣмъ этимъ явленіямъ,—и вы убѣдитесь, что путь, намѣченный мною—не моя выдумка, а выводъ изъ житейской практики.

На этомъ пути много жертвъ, но нѣтъ разочарованій. Я даже осмѣлюсь сказать, что внѣ его насъ ждетъ солдатчина, собачья комедія конституціи, съ которой мы будемъ носиться нѣсколько мѣсяцевъ,—и

потомъ снова солдатчина, тюрьмы, шпіоны, халуйство, холопство, кражи, кражи и кражи.

„Позвольте,—прерветъ меня читатель—вы просто проповѣдуете чистѣйшій соціализмъ, бунтарство какое-то! Мы же люди мирные, мы хотимъ политической свободы, а не соціальной революціи".

Извините, отвѣтимъ имъ мы, то, что мы вамъ рекомендуемъ, далеко еще не соціализмъ, а объ соціальной революціи тутъ и рѣчи нѣтъ. Это просто соціально-экономическая агитація, имѣющая цѣлью поставить наше отечество на путь нормальнаго развитія и гарантировать ему политическую свободу.

Не скрою: дѣйствуя такимъ образомъ, вы будете играть въ руку соціалистамъ. Но если вы не изъ мрачнаго сонмища, если вы не бичъ человѣчества, не реакціонеръ, то подумайте: возможна ли въ настоящее время какая нибудь прогрессивная мѣра или даже полумѣра, которая не была бы на-руку соціалистамъ?

Будьте покойны, такой мѣры или полумѣры выдумать невозможно.

Дайте свободу образованія—они первые ею воспользуются.

Дайте свободу прессы—они первые выступятъ съ десятками періодическихъ и неперіодическихъ изданій.

Дайте суду независимость—будутъ оправдывать политическихъ преступниковъ.

Да не истолкуетъ читатель вышеписанныхъ строкъ въ смыслѣ оправданія или объясненія реакціонныхъ мѣръ послѣдняго времени!

Реакція, стѣсненіе свободы человѣка—слишкомъ громадное преступленіе, и никакіе страхи за общество, порядокъ и семью не могутъ оправдать его.

Всякая реакціонная мѣра оскотиниваетъ человѣка, стремится превратить его въ животное. Кто думаетъ, что соціализмъ угрожаетъ цивилизаціи, пусть не забываетъ, что реакція и репрессивныя мѣры, дѣлая человѣка звѣремъ, убиваютъ въ немъ всякую способность хоть когда нибудь возстановить или поддержать ту цивилизацію и порядокъ, во имя которыхъ проповѣдуются и тюрьмы, и висѣлицы, и сожиганіе книгъ, и зажиманіе ртовъ, и прочія прелести.

Реакція—это не лекарство противъ зла, это только способъ сорвать злобу, выместить за непріятность, отвести душу—не болѣе.

Результаты ея борьбы съ соціализмомъ какъ нельзя лучше подтверждаютъ это.

Преслѣдуемыхъ она окружаетъ ореоломъ героизма и мученичества; стремленіе заставить замолчать своего противника и запугать его явно доказываетъ невозможность борьбы съ нимъ на почвѣ убѣжденій; взаимный антагонизмъ заостряется, роститъ взаимное ожесточеніе, соціализмъ превращается въ подземную силу, размѣры и направленіе которой не въ состояніи опредѣлить никто, даже подземные агитаторы. И реакція—не помощь противъ соціализма!

Это доказываетъ только, что соціализмъ носится въ воздухѣ, что открещиваться отъ него глупо, невозможно, потому что время его пришло!

ОДЕССА ВО ВРЕМЯ СУДА НАДЪ КОВАЛЬСКИМЪ.

(Статья первая.)

§§) Въ исторіи русскаго революціоннаго движенія событіе 30 января 78 г. въ Одессѣ должно занимать очень видное мѣсто; въ этотъ день горсть соціалистовъ поставила ребромъ вопросъ о фактической борьбѣ съ императорскимъ деспотизмомъ. Не станемъ воскрешать въ памяти всѣ обстоятельства вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго жандармамъ на Садовой ул.; это извѣстно всѣмъ соціалистамъ; мы намѣрены дать публичный отчетъ о волненіяхъ, происшедшихъ въ Одессѣ во время произнесенія приговора надъ Иваномъ Ковальскимъ.

20 іюля назначенъ былъ судъ надъ Садовцами. Въ обществѣ интересъ къ суду былъ на столько силенъ, что еще задолго до назначенія времени суда билеты были разобраны. Нужно замѣтить, что, по внушенію свыше, билеты раздавались предсѣдателемъ военно-окружного суда только лицамъ, завѣдомо благонамѣреннымъ. По ходившимъ въ обществѣ слухамъ, администрація предполагала, что дѣло кончится въ два-три дня, не болѣе; но разсчетъ оказался неосновательнымъ; свидѣтельскія показанія, внушенныя жандармами, оказались полны противорѣчій, и для выясненія истины потребовалось четыре дня.

Администрація съ своей стороны приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы предотвратить какую бы то ни было возможность «нарушенія общественной тишины». Съ этой цѣлью во дворѣ военно-окружного суда расположены были два взвода солдатъ, въ ближайшія казармы—до суда совершенно пустыя—введены были войска изъ лагеря, а въ жандармской казармѣ лошади были осѣданы и нижніе чины въ полномъ вооруженіи, какъ говорится, «на-готовѣ». Около зданія суда расхаживали жандармы, къ прилегающимъ тротуарамъ поставлены были башкирскіе казаки съ пиками на-перевѣсъ, а по тротуарамъ густой цѣпью размѣщены были городовые, квартальные и пристава.

За два дня до суда объявленъ былъ приказъ, коимъ вмѣнялось въ обязанность полиціи неукоснительно блюсти за исполненіемъ слѣдующихъ пунктовъ:

1) Запереть проѣздъ по Каретному переулку, прилегающему къ зданію суда.

2) Въ виду интереса публики къ процессу, не давать ей останавливаться передъ зданіемъ суда, дабы не затруднять движенія пѣшеходовъ по Гулевой улицѣ (подлинныя слова циркуляра).

3) Слѣдить за исполненіемъ пунктовъ и съ нарушителями поступать по всей строгости законовъ.

Этимъ циркуляромъ интересъ общества къ процессу былъ, естественно, усиленъ: всякій предрасположенъ былъ видѣть въ немъ явленіе, выходящее изъ ряду вонъ, всякій предвосхищалъ мысль о кровавой расправѣ властей надъ подсудимыми. Уже съ четверга, съ 8 часовъ утра, на тротуарѣ Гулевой улицы, противъ суда стала собираться публика: пошли разспросы о подсудимыхъ, и большинство неискушенныхъ съ нетерпѣніемъ ожидало, когда ихъ привезутъ въ судъ. Люди знающіе объяснили, что подсудимыхъ еще въ 2 часа ночи привезли въ сопровожденіи казаковъ и жандармовъ.

Таинственный привозъ подсудимыхъ, грандіозная охрана—все это предрасполагало публику слѣдить внимательно за процессомъ и видѣть въ немъ выраженіе борьбы между двумя силами: силою правительства съ одной стороны и силою соціалистовъ—съ другой. Процессъ, такимъ образомъ, принималъ въ строгомъ смыслѣ общественный характеръ.

Надо замѣтить, что 20 іюля былъ праздникъ Ильи пророка, потому, кромѣ интеллигентной публики, у зданія суда присутствовала и толпа простонародья. Затѣмъ 22 праздникъ Маріи Магдалины, а 23—воскресенье. Такимъ образомъ, изъ 5 дней судебнаго разбирательства, три выпали на долю праздничныхъ, когда народъ не работаетъ. Это обстоятельство въ значительной степени содѣйствовало скопленію публики у зданія суда. Какъ я выше упомянулъ, полиція приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы не допускать скопищъ въ мѣстахъ, прилегающихъ къ суду; въ теченіи перваго дня, пока публика не освоилась съ требованіями полицейскихъ чиновъ, всѣ прогуливались взадъ и впередъ по

тротуарамъ, не останавливаясь; но на второй день, когда интересъ къ процессу значительно возросъ, публика, раздѣлившись на небольшія группы, размѣстилась по бокамъ тротуаровъ. Полиція замѣтила это обстоятельство; какой-то изъ чиновъ скомандовалъ казакамъ окружить публику: казаки съ пиками на-перевѣсъ моментально обступили ее вилотную,—произошла суматоха, пошли пререканія и объясненія со стороны публики; доводы послѣдней показались убѣдительными и для полиціи. Твердость и мужество публики устранили возможность повторенія подобной сцены въ остальные дни процесса. И дѣйствительно, послѣ этого интересующіеся уже приливали къ зданію суда и покрывали сплошною массою всѣ тротуары, прилегавшіе къ нему.

Продолжительность процесса и праздничные дни дали возможность разъяснить публикѣ, что за люди подсудимые и какое значеніе имѣетъ ихъ преступленіе. Нужно замѣтить, что со времени садовскаго погрома власти распускали слухи о томъ, что сопротивлявшіеся съ оружіемъ въ рукахъ — ни болѣе, ни менѣе, какъ турецкіе шпіоны, у которыхъ былъ складъ фальшивыхъ ассигнацій. Но обстановка суда нисколько не гармонировала съ характеромъ приписываемыхъ полиціей подсудимымъ преступленій; агитація же соціалистовъ въ корнѣ подрывала вѣру въ слухи, распускаемые попечительными властями. Насколько агитація велась открыто, можно видѣть изъ того, что въ сосѣднемъ трактирѣ открытъ былъ сборъ пожертвованій въ пользу заключенныхъ.

Уже съ воскресенья интересъ публики къ суду настолько усилился, что во время перерывовъ засѣданій толпа стремительно обступала всякаго, кто выходилъ изъ залы суда, и съ жадностью ловила всякую подробность о ходѣ дѣла. Въ понедѣльникъ, 24-го, начались пренія сторонъ. По окончаніи рѣчи защитника и слѣдовавшаго за нею часового перерыва, когда публика узнала, что послѣднее слово за Ковальскимъ и другими подсудимыми, — на улицахъ наступила мертвая тишина, лишь изрѣдка нарушавшаяся стукомъ проѣзжавшихъ экипажей.

Толпа точно онѣмѣла. Она находилась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ словъ Бардовскаго: «Помните, гг. судьи, что эшафотъ, обагренный кровью политическаго преступника, разжигаетъ страсти»; въ ея глазахъ Ковальскій и его товарищи были уже мучениками.

Ковальскій говорилъ долго и горячо; рѣчь его длилась 1 1/2 часа.

Судъ удалился на совѣщаніе. Было 2 часа по полудни.

Толпа раздѣлилась на группы; всюду слышны были оживленные толки, споры, рѣзкія выраженія и порицанія, направленныя противъ суда. Посторонній наблюдатель, не знающій, чѣмъ вызвано скопленіе народа, былъ бы очень удивленъ смѣлостью сужденій. Полиція была нѣма и глуха ко всему окружающему.

Проходитъ часъ, другой — въ публикѣ замѣтно нетерпѣніе; проходитъ еще часъ, другой — нетерпѣніе возрастаетъ.

Уже 7 часовъ; толпа часъ-отъ-часу возрастаетъ и къ 8 часамъ покрываетъ сплошной массой всю прилегающую къ суду Гулевую улицу и часть Кузнечнаго переулка.

Четверть девятаго; фонари уже зажжены. Лихорадочное нетерпѣніе, вызываемое томительнымъ ожиданіемъ, достигаетъ своего апогея.

Судьи продолжаютъ совѣщаться.

Толпа точно обмерла; передъ ея глазами виднѣются залитыя огнемъ открытыя окна залы суда, видны тѣни часовыхъ, охраняющихъ подсудимыхъ; кругомъ тишина: слышны лишь порывистые вздохи женщинъ. Число казаковъ замѣтно увеличивается; пики на-перевѣсъ обращены къ публикѣ.

9 часовъ. Въ залѣ замелькали тѣни: судьи окончили свое совѣщаніе.

Какъ бы по мановенію волшебной руки, всѣ окна моментально закрылись.

Толпу точно пронизала электрическая искра: всѣ засуетились, сомкнулись въ одну компактную массу...

Ужасающая минута! Публика затаила дыханіе и ждетъ... Черезъ закрытыя окна замѣтно какое-то движеніе въ залѣ суда...

Всякое сомнѣніе исчезло: изъ суда раздался пронзительный, раздирающій душу крикъ: «Ковальскому смертная казнь!»

«Ковальскому смертная казнь!» — повторила, спустя минуту, какъ одинъ человѣкъ, толпа.

«Смертная казнь!» — пронеслось, какъ эхо, надъ трехтысячной толпой.

«Палачи! разбойники! душегубы! мерзавцы!...» «Смерть палачамъ Ковальскаго! смерть!..» — загудѣло въ отвѣтъ.

Толпа волновалась; многія женщины лишились чувствъ.

Моментально выведены были войска: солдаты прикладами, а казаки натискомъ лошадей старались заглушить голосъ общественнаго мнѣнія, карающаго палачей.

Соціалисты, бывшіе среди публики, не могли смотрѣть спокойно на гнусное, варварское отношеніе къ голосу общественной совѣсти,—и они протестовали, протестовали единственно-возможнымъ въ этомъ случаѣ средствомъ — револьверомъ.

Изъ толпы раздался выстрѣлъ. Пуля не попала въ желанную цѣль, но лицо, которому она предназначалась, поняло это:

«Пли!» — скомандовалъ его зычный голосъ.

Изъ заднихъ рядовъ показались три стрѣлка и одинъ за другимъ раздались три выстрѣла.

Чаша терпѣнія переполнилась.

Изъ толпы отвѣчали 18-ью выстрѣлами: двое изъ стрѣлявшихъ солдатъ упало.

Вслѣдъ за тѣмъ въ толпу было сдѣлано еще два выстрѣла — и все смолкло... Передъ силой пѣхоты и кавалеріи толпа отступила.

Русское общество не воспитано на борьбѣ съ своимъ врагомъ: для него былъ уже геройскимъ подвигомъ и устный протестъ противъ приговора надъ Ковальскимъ.

Толпа начала рѣдѣть и двинулась по направленію

къ Казенному саду, что на Дерибасовской улицѣ. Не болѣе 250 человѣкъ дошло до сада, который немедленно огласился негодующимъ крикомъ: «Ковальскому смертная казнь!»...

Толпа пошла далѣе, на Приморскій бульваръ. Аристократія сибаритничала за столами, уставленными напитками и яствами.

«Сволочь! — обратился одинъ рабочій къ благодушествующимъ — вы объѣдаетесь и опиваетесь въ ту минуту, когда осуждаютъ людей на смертную казнь! Палачи предаютъ смерти одного изъ лучшихъ сыновъ русской земли, а вы любуетесь прекрасными видами! Будьте вы прокляты!»

Это было на улицѣ.

Въ залѣ суда произошла въ это время другая сцена. Какъ только прочитанъ былъ приговоръ надъ Ковальскимъ, нѣкоторыя изъ присутствовавшихъ на судѣ дамъ попадали въ обморокъ. Одинъ изъ подсудимыхъ, не выслушавъ своей участи, рванулся впередъ; пронзительный крикъ: «Подлецы! мерзавцы!»— вырвался изъ его наболѣвшей груди.

На улицѣ раздались выстрѣлы.

«Слышите, судьи, слышите?—заговорилъ Ковальскій — это голосъ общественной совѣсти! Общество просыпается отъ вѣкового сна... Я теперь покойно могу умереть. Месть за меня еще впереди».

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

КАМЕНСКАЯ СТАНИЦА. (Отъ собственнаго корреспондента.)

Вся русская исторія представляетъ ничто иное, какъ непрерывную борьбу государственности съ автономными стремленіями общины и личности. Борьба эта тянется красною нитью черезъ все 1000-лѣтнее существованіе русскаго государства, принимаетъ самыя различныя формы—отъ возстанія Стеньки и Пугачева до возведенія бѣгства отъ властей и полнаго отрицанія государственности въ религіозный догматъ. Эта борьба на жизнь и смерть между двумя противоположными принципами отнюдь не прекращается и въ настоящее время. Удалось ли государству внушить крестьянину другія привычки, другія стремленія, можно ли опираться революціонной партіи на эти, повидимому, задавленныя стремленія къ автономіи общины и личности—это вопросъ другой; я же въ настоящемъ письмѣ хочу только описать одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы—эпизодъ, имѣющій тѣмъ большій интересъ для читателя, что онъ совершается на нашихъ глазахъ. Я говорю о волненіяхъ донскихъ казаковъ, по поводу введенія новыхъ правилъ пользованія общественными лѣсами. Правила эти состоятъ въ слѣдующемъ. Лѣсъ дѣлится большими просѣками на 30 равныхъ участковъ. Рубка можетъ происходить ежегодно только въ одномъ изъ нихъ. Воспрещается пасти въ лѣсу скотъ. Вводится правильный сборъ лѣсныхъ плодовъ. Каждый казакъ имѣетъ право только на опредѣленное количество лѣса, между тѣмъ какъ до сихъ поръ каждый казакъ пользовался всѣмъ, «куда топоръ и коса ходили». Недовѣріе казаковъ, какъ и всего народа, къ его земскимъ опекунамъ таково, что вопросъ о томъ, цѣлесообразны или нѣтъ предлагаемыя мѣры, вовсе и не поднимался, и только тѣ станицы, въ которыхъ преобладали степные хутора, согласились подписать приговоръ объ отдачѣ лѣса подъ земскую опеку, лѣсныя же—почти всѣ протестовали.

Особенно упорно держалась и держится Луганская стан. Донецкаго округа. Эта станица со своими хуторами окружена со всѣхъ сторонъ лѣсами. Удобныя мѣста для пастьбы скота отстоятъ верстъ на 15 отъ нея, и, разумѣется, гонять скотъ такъ далеко очень неудобно, особенно, когда грозитъ еще перспектива постоянныхъ штрафовъ. «Вышла свинья за ворота—она ужь и въ лѣсу: вотъ тебѣ и потрава!»—говорятъ казаки, и всякій знакомый съ мѣстностью вполнѣ согласится съ ними. Но не одни только эти неудобства заставляютъ протестовать противъ отдачи лѣса. Вѣковое недовѣріе народа къ правительству таково, что вслѣдъ за извѣстіемъ объ «отнятіи» лѣсовъ пошли толки о томъ, что тамъ де пойдутъ отбирать озера, а послѣ «хоть ложись да помирай».

Одна казачка, на станичномъ сборѣ, даже сравнила земство съ парнемъ, который сулитъ дѣвкѣ золотыя горы, покуда не добьется своего, а потомъ кругомъ обманываетъ ее.

Казаки, назначенные атаманомъ прокладывать просѣки въ лѣсу, отказались, по желанію всей Луганской станицы, выйдти на работу. Изъ Черкасска пріѣхало разное начальство, въ томъ числѣ какой-то генералъ, который хвастался передъ казаками, что усмирялъ въ 61 г. бунтовавшихъ крестьянъ. «Мы тебѣ не мужики!»—отвѣчали на этоказаки. На одномъ изъ сборовъ, урядники, по приказанію начальства, стали было записывать наиболѣе возставшихъ противъ отдачи лѣса. Но это замѣтили казачки, которыя вообще очень интересуются общественными дѣлами,— кинулись на урядниковъ и принялись ихъ бить на глазахъ у начальства, которое бросилось бѣжать изъ станичнаго правленія.

Началось было слѣдствіе по этому дѣлу, но станица заявила, что «били всѣ». Нѣсколько разъ потомъ приказывали казакамъ выѣзжать для рубки просѣкъ въ лѣсу, и ни разу они не послушались.

Приказано было собрать новый сходъ; но едва кончилась обѣдня и атаманъ вышелъ изъ церкви, какъ его окружила толпа казаковъ, послышались ругательства и угрозы, которыя едва не перешли въ дѣйствіе. Атаманъ немедленно-же отказался отъ должности и сходъ не могъ состояться. Потомъ казаки отправились къ квартирѣ землемѣра, назначеннаго для межеванія лѣса и проживавшаго въ станицѣ, и грозились убить его, если онъ не уѣдетъ. Прошло нѣсколько дней. Ночью, когда вся станица уже спала, кто-то выстрѣлилъ въ окно хаты, занимаемой землемѣромъ. Хотя онъ не былъ даже раненъ, но переполохъ былъ чрезвычайный. Утромъ землемѣръ поспѣшилъ уѣхать изъ Луганн, а за нимъ и храбрый военачальникъ, усмирявшій въ 61 г. крестьянъ. Этотъ послѣдній, еще наканунѣ хвалившійся, что онъ, хоть 30 лѣтъ проживетъ въ станицѣ, а поставитъ на своемъ, такъ стру-

силъ, что не рѣшился удирать безъ конвоя.

Все начальство засѣло въ Митякинской станицѣ, въ 25 в. отъ Лугани, и оттуда требовало на судъ тѣхъ казаковъ, которые отказались дѣлать просѣки въ лѣсу. Послѣдніе не ѣхали, а требовали, чтобы судъ самъ ѣхалъ къ нимъ. А пока тянулась между ними переписка, въ Луганской станицѣ шло слѣдствіе по дѣлу «о покушеніи на жизнь таксатора». Подозрѣвали сначала нѣсколькихъ казаковъ—одинъ былъ даже арестованъ,—но потомъ оказалось, что въ ночь, когда было сдѣлано покушеніе, онъ былъ на одномъ изъ хуторовъ. Стали валить все на какихъ-то темныхъ личностей, которыя жили передъ тѣмъ въ станицѣ, бывали даже на сходахъ и подстрекали, будто-бы казаковъ къ бунту. Стали розыскивать этихъ таинственныхъ посѣтителей, но оказалось, что ихъ и слѣдъ простылъ. Все дѣло было свалено на нигилистовъ.

Къ выстрѣлу населеніе относится сочувственно и жалѣетъ только, что таксаторъ не былъ убитъ. Между тѣмъ, казаки, которыхъ требовали на судъ по дѣлу о неповиновеніи распоряженіямъ атамана, рѣшились ѣхать: какой-то смѣльчакъ уговорилъ другихъ, что имъ-де и тамъ ничего не посмѣютъ сдѣлать. Но когда они явились въ Каменскую станицу, главную въ Донецкомъ округѣ,—всѣхъ ихъ (30 чел.) арестовали и посадили въ острогъ. Но это только подлило масла въ огонь: между казаками пошли толки о томъ, чтобы не платить совсѣмъ земскихъ и страховыхъ (нтраховыхъ, какъ они называютъ) денегъ. Они стали обвинять атамана въ предательствѣ и грозились убить его. Казаковъ пугаютъ военной экзекуціей, а они говорятъ, что «примутъ ее въ пики». Поднялся вопросъ: стоитъ ли давать землю (паекъ въ 200 д.) тѣмъ изъ офицеровъ, которые особенно энергично «усмиряли» казаковъ.

Чѣмъ все это кончится—неизвѣстно; одно только можно сказать, что волненіе не ограничивается одной Луганской стан. Въ остальныхъ станицахъ того-же округа, напр. въ Гундеровской, казаки, хотя и не гонятъ таксатора, но владѣть лѣсами собираются по старому, и приговоръ подписали только «господа», т. е. офицеры, «чернь» же—простые казаки—противится ему.

Вообще, какъ бы ни было различно сопротивленіе, недовольство вездѣ одинаково-сильно. Припоминаются какія-то предсказанія «стариковъ», которые давно говорили, что придетъ время, когда будутъ стѣснять казаковъ, когда у нихъ отберутъ всѣ угодья, и тогда произойдутъ на тихомъ Дону смуты и будетъ кровопролитіе.

И теперь уже казаки другихъ станицъ начинаютъ съ завистью, смѣшанной съ уваженіемъ, смотрѣть на луганцевъ. «Вѣдь у насъ какой народъ-то: имъ бы, какъ луганцамъ, гнать таксатора, а они уперлись, что не отдадутъ лѣсу, да и только; а таксаторъ вонъ уже просѣкъ въ лѣсу надѣлалъ», говорила мнѣ одна хуторская казачка.

До сихъ поръ я разсказывалъ вамъ о событіяхъ, которыхъ или былъ очевидцемъ, или знаю отъ вѣрныхъ людей. Что же касается до слуховъ, то говорятъ, что въ Слонской станицѣ, Усть-Медвѣдицкаго, если не ошибаюсь, округа, за таксаторомъ, выѣхавшимъ дѣлать въ лѣсу просѣки, бѣгали казаки съ шашками, такъ что онъ едва спасся. Волнуются и въ Урюпинской станицѣ, волнуются въ Усть-Медвѣдицкой, Казанской и Раскольницкой. До сихъ поръ казаки воображаютъ, что стоятъ на легальной почвѣ. «Мы своей кровью завоевали эти мѣста, говорятъ они, кто же можетъ отобрать ихъ у насъ? Когда государь былъ на Дону, онъ прямо сказалъ, что у насъ останется все по старому».

Теперь, къ осени, стали возвращаться казаки съ войны и, понятно, встрѣтятъ далеко не съ радостью эту новую «царскую милость».

Интересно здѣсь особенно то, что казаки Донецкаго округа, гдѣ волненіе приняло самые большіе размѣры, составляли 3-й Орлова полкъ, имѣющій самое большое число георгіевскихъ кавалеровъ и отличившійся въ забалканскомъ походѣ. Эти герои возвращались домой и безъ того сильно раздраженные мошенничествомъ ихъ полковаго командира, полк. Грекова, замѣнившаго Орлова. По разсказамъ казаковъ, онъ не выдавалъ имъ совсѣмъ фуражу для лошадей, между тѣмъ, какъ самъ получалъ по 2 1/2 р. за каждый пудъ сѣна, которое онъ, будто бы, выдавалъ лошадямъ. На возвратномъ пути, при посадкѣ на желѣзную дорогу, казаки, если вѣрить ихъ разсказамъ, «приняли его въ нагайки». Послѣ этого скандала, былъ вызванъ прежній командиръ полка, Орловъ, который и взялся умиротворить казаковъ. На площади въ нашей станицѣ происходилъ публичный торгъ казаковъ съ Орловымъ. Онъ предложилъ казакамъ 7 т. руб. съ тѣмъ, чтобы они прекратили всякое неудовольствіе на Грекова. Казаки насчитывали, что онъ укралъ у нихъ 200 т., и требовали ихъ сполна, грозя, въ противномъ случаѣ, подать жалобу. Въ концѣ концовъ согласились на 25 т. р., по рублю на водку каждому казаку и по 25 р. на сотню для угощенія. Послѣ этого публичнаго скандала, они разошлись по домамъ и, разумѣется, только усилятъ собою контингентъ недовольныхъ правительствомъ.

ХАРЬКОВЪ, 9 Ноября 1878 г. (отъ собственнаго корреспондента). Въ послѣднее время наша харьковская тюрьма наполнилась «политическими»; всѣхъ сидящихъ въ настоящее время 7 человѣкъ: Ястремскій, крестьянинъ Громанъ, взятый недавно за распространеніе книгъ преступнаго содержанія, Ѳоминъ, Яцевичъ, Ефремовъ и 2 мнимые жандарма, покушавшіеся на освобожденіе Ѳомина. О положеніи заключенныхъ распространяться не буду; самый строгій надзоръ, постоянные обыски, въ которыхъ принимаютъ участіе полиціймейстеръ и даже вице-губернаторъ, дурная пища, невозможность имѣть книги и газеты—все это слишкомъ ярко, наглядно и не требуетъ комментаріевъ. Если добавить къ этому еще самодурство смотрителя, самодурство, встрѣчающее иногда отпоръ со стороны лицъ, противъ которыхъ оно направлено, то картина получится доволь-

но полная. Про одинъ изъ такихъ случаевъ я и намѣренъ писать.

Однажды (въ концѣ октября) смотритель вошелъ въ камеру Ефремова и увидѣлъ его стоящимъ на окнѣ (что прежде не считалось преступленіемъ). Послѣдовало строгое начальническое приказаніе слѣзть; но оно не оказало должнаго дѣйствія на заключеннаго, за что послѣдній и былъ немедленно посаженъ въ карцеръ. Товарищи по заключенію, узнавъ объ этомъ, подняли шумъ, крикъ и начали бить стекла; Яцевичъ и Ястремскій выломали даже рамы, что и дало поводъ посадить ихъ въ «темную». На другой день явился въ тюрьму самъ губернаторъ для разслѣдованія дѣла. При допросѣ Ястремскаго, когда факты стали склоняться не въ пользу смотрителя, послѣдній сталъ извращать самый фактъ. Это возмутило Ястремскаго—человѣка, надо замѣтить, крайне нервнаго—до того, что онъ нанесъ смотрителю нѣсколько оплеухъ. Результатомъ этого было шестидневное заключеніе въ темномъ карцерѣ и возбужденіе дѣла объ оскорбленіи дѣйствіемъ должностнаго лица при исполненіи обязанностей. Остальные заключенные отдѣлались трехдневнымъ арестомъ въ темномъ карцерѣ.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

Конфиденціально.

....СКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ.

Милостивый Государь NN!

Въ переживаемый важный историческій моментъ, когда предстоитъ рѣшеніе вопросовъ, имѣющихъ общеевропейское значеніе, которые вмѣстѣ съ тѣмъ близко касаются нашего отечества, можно ожидать, что при томъ чуткомъ настроеніи русскаго общества, съ которымъ оно относится къ текущимъ событіямъ, при малѣйшемъ подходящемъ случаѣ, будутъ посылаться адресы и телеграммы, адресованные къ Особамъ Царствующихъ Домовъ, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, а равно и заявленія, имѣющія политическое значеніе. При этомъ легко можетъ случиться, что въ этихъ адресахъ или телеграммахъ будутъ помѣщены, умышленно или неумышленно, такія мысли, или же отдѣльныя выраженія, которыя въ данный моментъ не соотвѣтствуютъ политическому положенію дѣлъ. Во избѣжаніе сего, а также по вниманію къ тому, что только высшее Правительство можетъ вѣрно судить относительно умѣстности содержанія указаннаго рода адресовъ и заявленій, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ проситъ меня принять мѣры, чтобы всѣ таковые адресы, телеграммы и заявленія отъ дворянства, земства, городскихъ управленій и другихъ сословій, учрежденій и лицъ представлялись бы черезъ меня въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и только по полученіи отвѣта изъ Министерства, они могутъ быть отправлены по назначенію.

Сообщая объ этомъ Вамъ, Милостивый Государь, для свѣдѣнія и руководства прошу принять увѣреніе въ совершенномъ къ Вамъ уваженіи и преданности.

18 Іюня 1878 г.

№...

22 Сентября, за № 106-мъ послано

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА ХАРЬКОВСКАГО ГУБЕРНАТОРА ЗА 1877-й ГОДЪ.

Несмотря на общее, охватившее все населеніе патріотическое одушевленіе, противуправительственные и противуобщественные элементы, гдѣздящіеся въ обществѣ, весьма часто въ минувшемъ году и съ особенною дерзостію заявляли о своемъ существованіи. Характеристическая черта дѣятельности пропагандистовъ—это систематическое застращиваніе должностныхъ лицъ, за то или другое направленіе ихъ служебной дѣятельности, и даже за отдѣльныя ихъ распоряженія по службѣ. Угрозы эти, дѣлаемыя обыкновенно на письмѣ или вывѣшиваніемъ объявленій, конечно, въ рѣдкихъ случаяхъ достигаютъ своихъ непосредственныхъ цѣлей, т. е. заставляютъ должностныхъ лицъ измѣнять, по волѣ угрожающихъ, принятое направленіе дѣятельности; но нельзя не признать, что въ извѣстной степени, въ особенности въ отношеніи низшихъ степеней служебной іерархіи, система угрозъ и устрашеній, сопровождаемыхъ иногда исполненіемъ угрозъ, приноситъ дѣйствительно существенный вредъ и деморализируетъ служащихъ.

Число лицъ, арестованныхъ въ прошломъ году по политическимъ преступленіямъ, было незначительно, а именно всего арестовано 10 человѣкъ. Дѣла, по которымъ были произведены аресты, не имѣли особенно выдающагося значенія, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что въ Харьковѣ, въ особенности въ средѣ учащейся въ высшихъ заведеніяхъ молодежи, противугосударственныя и противуобщественныя теоріи имѣютъ глубокіе корни и съ каждымъ годомъ привлекаютъ къ своимъ разрушительнымъ началамъ большее число послѣдователей.

Вообще можно сказать, что большинство студентовъ Харьк. Университета и Ветерин. Института принадлежатъ къ недостаточнымъ и необезпеченнымъ классамъ. Не получивъ ни дома, ни въ средне-учебныхъ заведеніяхъ прочной нравственной подготовки и религіознаго воспитанія, представляютъ готовую почву для воспріятія всякихъ ложныхъ, сумасбродныхъ ученій, и потому казалось бы настоятельно необходимымъ оградить по возможности высшія учебныя заведенія отъ чрезмѣрнаго и даже искусственно вызваннаго наплыва учащихся изъ среды недостаточныхъ классовъ.

Во всеподданѣйшемъ отчетѣ за 1877 г. я изложилъ подробно касающіяся этого предмета соображенія. Нынѣ считаю умѣстнымъ прибавить, что принятіе мѣръ къ огражденію высшихъ учебныхъ заведеній отъ искусственнаго накопленія въ нихъ неблагонадежной молодежи изъ недостаточныхъ классовъ является еще болѣе настоятельнымъ въ виду ясной, несомнѣнной неблагонадежности большинства учащихся въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и тревожнаго состоянія государства.

Соціальныя ученія, къ счастію, и несмотря на дѣлаемыя многочисленныя попытки со стороны злоумышленниковъ, можно сказать, вовсе еще не проникли въ среду сельскаго населенія, остающагося вѣрнымъ началамъ религіи, нравственности и порядка. Нельзя того же сказать о низшемъ классѣ городского населенія, которое, подкапываемое соціальными ученіями, во многомъ утратило прежнюю неприкосновенность религіозныхъ вѣрованій и патріархальности семейныхъ отношеній. Классъ фабричныхъ рабочихъ, весьма многочисленный въ Харьковѣ, требуетъ усиленнаго надзора и не пред-

ставляетъ залоговъ устойчивости противъ распространенія новыхъ ученій. Въ средѣ этого населенія революціонная пропаганда встрѣчаетъ постоянное сочувствіе, и въ случаѣ какого-либо движенія въ смыслѣ перехода отъ теоріи къ дѣйствію, классъ харьковскихъ рабочихъ, въ огромномъ большинствѣ своемъ, не представитъ отпора возмутителямъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія подслушанныя агентомъ полиціи въ средѣ фабричнаго населенія разговоры объ обременительности податей, о неизвѣстности на что и куда тратятся деньги, забираемыя съ народа, о безконтрольности правительства, и тому подобныя сужденія, неслыханныя въ простомъ народѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Конечно, свобода сужденій повременной печати могла частію навѣять подобныя мысли, но несомнѣнно, что главными виновниками подобнаго настроенія фабричнаго населенія это—распространители революціонной пропаганды, усиленно работающіе между фабричными г. Харькова.

Вообще политическое состояніе губерніи, спокойное въ отношеніи массы сельскаго населенія, помѣстнаго дворянства и вообще владѣльцевъ недвижимой собственности, весьма тревожно въ отношеніи низшихъ классовъ городскаго населенія, учащейся молодежи и тѣхъ подонковъ общества, не имѣющихъ ничего терять, которые столь многочисленны въ большихъ городахъ. Всего же опаснѣе та смѣлость и несомнѣнная организація революціонной пропаганды, дѣйствующей послѣдовательно, энергично, готовой на все для достиженія своихъ цѣлей. Борьба противъ этой пропаганды, составляющая наиболѣе нынѣ важную задачу правительства, можетъ быть ведена не иначе, какъ при содѣйствіи консервативныхъ, весьма еще многочисленныхъ элементовъ общества, поэтому всяческая поддержка этихъ элементовъ, усиленіе ихъ значенія есть дѣло мудрой внутренней политики. Къ сожалѣнію, наиболѣе важный консервативный элементъ въ государствѣ — помѣстное дворянство видимо клонится къ упадку.

Подлинное подписалъ за Начальника Отдѣленія Канцеляріи Комитета Министровъ А. Тулубьевъ. Скрѣпилъ дѣлопроизводитель И. О. Яцыно.

Прислано Харьковскому Попечителю Управляющимъ Министер. Нар. Просв. при секретномъ предписаніи.

Придворное извѣстіе. Побѣгъ императора изъ Ливадіи въ Петербургъ, устроенный министромъ Посьетомъ и Дрентельномъ, окончился благополучно. Среди густого лѣса штыковъ, государь императоръ прослѣдовалъ отъ Николаевскаго вокзала въ Зимній дворецъ, при громкихъ крикахъ „ура!“ населенія, ожидающаго всякихъ напастей вмѣстѣ съ пріѣздомъ обожаемаго монарха.

Путешествіе его величества по желѣзной дорогѣ совершалось съ особенной торжественностью:

На 300 шаговъ царскому поѣзду предшествовалъ локомотивъ, а на 50—другой. Въ ночное время вдоль по дорогѣ зажигались смоляныя бочки, стража сплошной стѣной стояла около пути и хватала всякаго зѣваку, который казался ей подозрительнымъ.

Торжественное путешествіе было продолженіемъ порядковъ, заведенныхъ нынѣ въ Ливадіи. Всякаго прохожаго, приближавшагося на извѣстное разстояніе къ царскому дворцу, останавливали и заставляли ворочаться назадъ. При пріѣздѣ на пароходѣ въ Ялту, провѣрялись у всѣхъ пассажировъ паспорта.

Скоро добрымъ вѣрноподданнымъ, при встрѣчѣ съ своимъ обожаемымъ монархомъ, придется удирать отъ него во всѣ лопатки.

Отголоски исторіи Цитовича. Нами получены нижеслѣдующіе протесты студентовъ Новороссійскаго и Московскаго университетовъ противу получившей скандальную извѣстность брошюры Цитовича и не менѣе скандальной оваціи автору ея, устроенной кучкой студентовъ-юристовъ IV курса одесскаго университета.

Охотно давая мѣсто полученнымъ документамъ на страницахъ нашего изданія, спѣшимъ заявить, что мы были увѣрены въ томъ, что неприличный пасквиль Цитовича не останется безъ отвѣта со стороны передовой русской молодежи. Насъ удивляетъ только, что лица, наиболѣе скомпрометированныя пасквилемъ Цитовича,—гг. профессора университетовъ; начальники и начальницы, распорядители и распорядительницы разныхъ женскихъ курсовъ—хранятъ по поводу него упорное молчаніе.

Цитовичъ говоритъ отъ имени университетской науки; представители ея, кажется, должны бы высказаться — солидарны они со своимъ собратомъ или нѣтъ?

Еще страннѣе молчаніе лицъ, завѣдующихъ женскими курсами. Если они солидарны съ Цитовичемъ,—имъ слѣдуетъ бросить свои хлопоты о женскомъ образованіи; если-же нѣтъ, если имъ дѣйствительно дорого женское образованіе,—имъ не слѣдовало бы отдавать новаго дѣла на безнаказанное поруганіе.

Цитовичъ — профессоръ; его мнѣніе имѣетъ извѣстный вѣсъ въ глазахъ публики, несмотря на всю его нелѣпость. Кому-же, какъ не лицамъ, завѣдующимъ этими курсами, защищать ихъ, кто, кромѣ нихъ, можетъ въ глазахъ общества удобнѣе возстановить честь курсовъ?

Мы думаемъ, что нетолько ни одинъ начальникъ какого бы то ни было учебнаго заведенія,—ни одинъ содержатель или содержательница дома терпимости—къ которымъ Цитовичъ приравниваетъ распорядителей и распорядительницъ женскихъ курсовъ—не позволили бы такъ позорить свое заведеніе.

ПРОТЕСТЪ ОДЕССКИХЪ СТУДЕНТОВЪ.

Г. Профессоръ!

Прочитавъ брошюру вашу «Отвѣтъ на письма къ ученымъ людямъ» и оцѣнивъ по достоинству значеніе ея и цѣль, мы сначала рѣшили отнестись къ ней съ тѣмъ презрѣніемъ, котораго она вполнѣ заслуживаетъ; но заявленіе своего сочувствія къ вамъ юристовъ IV курса налагаетъ на насъ нравственную обязанность изложить вкратцѣ наше мнѣніе объ этой брошюрѣ, чтобы наше молчаніе не было и вами, и обществомъ истолковано въ томъ смыслѣ, что и мы солидарны съ ними, что и мы раздѣляемъ высказанные вами взгляды.

Вотъ наше мнѣніе. Ваша брошюра недостойна честнаго человѣка вообще, а профессора въ особенности. Во 1-хъ потому, что вы затронули въ ней такіе вопросы, свободное обсужденіе которыхъ невозможно въ печати по условіямъ цензуры, и такимъ образомъ, нападая изъ-за спины полиціи, вы нарушили основное правило честной борьбы: бороться равнымъ оружіемъ. Во 2-хъ, не входя въ подробный разборъ вашихъ положеній, мы считаемъ недостойнымъ человѣка науки быть противникомъ свободы научнаго изслѣдованія, свободы совѣсти, тѣхъ идей, для проведенія которыхъ въ жизнь честнѣйшіе борцы жертвовали своею жизнью. Въ 3-хъ, выставивши на видъ уродливыя проявленія мысли и жизни, необходимыя при всякихъ общественныхъ движеніяхъ, вы сдѣлали намѣренно невѣрные, ненаучные выводы; къ этимъ уродливымъ проявленіямъ вы причислили и честнѣйшія проявленія русской литературы. Приписали самой жизни, самой литературѣ —

связанной по рукамъ и по ногамъ — намѣренно безнравственныя цѣли, запачкали грязью тѣхъ людей, которые заплатили жизнью и свободой за свои убѣжденія,— тѣхъ людей, которые всю душу положили на борьбу со злом и невѣжествомъ, царящимъ и теперь въ русской жизни, — тѣхъ людей, которыхъ молодое поколѣніе не перестанетъ уважать, несмотря ни на какія инсинуаціи профессоровъ одного съ вами лагеря. Въ 4-хъ, вы обезобразили свѣтлый ликъ современной русской женщины, поставили ее ниже помѣщицы временъ крѣпостного права, наряду съ проституткой. Вы забыли ея честныя стремленія къ труду, къ знанію, забыли громадный процентъ женщинъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, несмотря на всѣ препятствія, которыя ставитъ имъ между прочимъ и ученое сословіе. Вы забыли геройскіе подвиги ея на полѣ битвы; мы не говоримъ уже о другихъ подвигахъ ея, упоминать о которыхъ не дозволяется! Забвеніе подобнаго рода—смертный грѣхъ: это даже не забвеніе, а намѣренное искаженіе лучшихъ сторонъ русской женщины. Вы выслушали мнѣніе юристовъ IV курса, хотя и не всѣхъ, выслушайте же теперь мнѣніе всѣхъ студентовъ. (Слѣдуютъ подписи).

ПРОТЕСТЪ
МОСКОВСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ.

Товарищи!

Тяжелое впечатлѣніе произвело на насъ, студентовъ Московскаго университета, извѣстіе, что среди учащейся молодежи Новороссійскаго унив. нашлась кучка студентовъ, открыто заявившихъ свое сочувствіе взглядамъ г. Цитовича, автора пресловутой брошюры-пасквиля.

Не разъ уже все для насъ дорогое въ русской жизни и ея выразительницѣ — литературѣ было предметомъ пасквилей и доносовъ со стороны М. Н. Каткова и рыцарей его лагеря, но мы относились къ нимъ съ тѣмъ презрѣніемъ, котораго они вполнѣ заслуживали; теперь же, когда на арену той-же позорной дѣятельности выступилъ, въ бронѣ псевдо-научныхъ положеній и выводовъ, „жрецъ науки“ и когда, въ дополненіе къ этому, въ аудиторіяхъ Новороссійскаго унив. нашлись, къ стыду студенчества, поклонники подобнаго рода дѣятельности, мы не можемъ, въ силу нравственной обязанности, ограничиться однимъ этимъ чувствомъ. Поэтому, заявляя свою полную солидарность съ лучшими дѣятелями русской жизни и литературы, на идеяхъ и принципахъ которой мы воспитаны, той русской литературы, которая являлась и является выразительницей лучшихъ чувствъ и стремленій русскаго передового общества, мы открыто протестуемъ противъ доносовъ г. Цитовича, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ чувствомъ глубокаго омерзенія отворачиваемся отъ оваторовъ, которые недостойны носить званіе русскаго студента. Человѣкъ, который называетъ лучшихъ дѣятелей журналистики развратителями общества, тычетъ въ грязь столь дорогія намъ имена: Добролюбова, Писарева, Чернышевскаго, Некрасова и др., оскверняетъ своими нечистыми устами лучшія мысли и чувства молодежи, закидываетъ грязью свѣтлый обликъ русской передовой женщины, глумится надъ лучшими идеалами русскаго общества, самъ— человѣкъ, для характеристики нравственной физіономіи котораго нѣтъ достаточно сильнаго слова. Не менѣе безнравственны въ нашихъ глазахъ и тѣ лица, которыя явились приверженцами своего „достоуважаемаго профессора“.

Принимая въ соображеніе вышесказанное, мы, студенты Московскаго унив., присоединяемся къ протесту нашихъ товарищей Одессы. (Слѣдуютъ 300 подписей).

Этотъ адресъ былъ посланъ одесскимъ студентамъ; Цитовичу же было послано письмо болѣе рѣзкаго характера.

Волненія въ учащейся молодежи. Начавшіяся въ 1862 году преслѣдованія студентовъ, вызвавшія къ жизни невозможный уставъ высшихъ учебныхъ заведеній, нашли своего продолжателя въ лицѣ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, **Толстого.**

Результатомъ такой дѣятельности были повторяющіяся съ замѣчательной правильностью студенческія волненія, суды, высылки, преслѣдованія и т. д.

Начальство не хочетъ отказаться отъ своего устава, студенты не могутъ помириться съ нимъ — и вотъ въ настоящее время передъ нами снова разыгрывается одна изъ такихъ „студенческихъ исторій“, которая, по всей вѣроятности, окончится жертвой нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ молодыхъ людей, ради сохраненія трехъ-четырехъ параграфовъ устава, который всѣ считаютъ безсмысленнымъ, и соблюденія капризовъ профессора, на котораго всѣ смотрятъ съ заслуженнымъ презрѣніемъ.

Въ нынѣшній разъ, не въ примѣръ прежнихъ исторій, починъ въ дѣлѣ протеста противу начальства принадлежитъ не столичной, а провинціальной молодежи.

Дѣло на этотъ разъ началось съ Харькова, и такъ какъ харьковское столкновеніе связано очень тѣсно съ петербургскими волненіями учащихся, то мы ихъ и изложимъ вмѣстѣ, пользуясь имѣющимися у насъ свѣдѣніями, доставленными намъ нашими провинціальными корреспондентами.

„Кто меньше знаетъ самъ, тотъ больше требуетъ знаній отъ другихъ“—такъ сказалъ когда-то одинъ изъ уважаемыхъ ученыхъ и любимыхъ студентами профессоровъ по поводу одной программы, представленной на экзаменъ. Эти слова объясняютъ вполнѣ поступки профессора харьковскаго Ветеринарнаго института Журавскаго. Знаменитый своимъ невѣжествомъ профессоръ, желая воспользоваться предоставленными ему неограниченными правами стѣснять студентовъ и прижимать ихъ, попытался ввести въ Ветеринарномъ институтѣ еженедѣльныя репетиціи. (Скажемъ мимоходомъ, что репетиціи—изобрѣтеніе нашихъ доморощенныхъ невѣжд-педагоговъ: нигдѣ на Западѣ, даже въ закрытыхъ высшихъ школахъ этого школьническаго правила—спрашиванія „пройденнаго“—не практикуется).

Какъ и слѣдовало ожидать, студенты протестовали противъ дикаго нововведенія и протестовали довольно бурно: со свистомъ, съ выраженіями неодобренія и порицанія профессору Журавскому. Нѣсколько человѣкъ студентовъ, къ стыду своей корпораціи, тутъ-же, во время скандала, заявили свою несолидарность съ протестующими и просили записать ихъ фамиліи, что Журавскій и сдѣлалъ: но протестующая толпа вырвала изъ рукъ профессора списокъ и такимъ образомъ прекратила эту публичную выставку трусости и подхалимства. Результатомъ этой исторіи явился судъ профессоровъ надъ студентами, въ которомъ не постыдились посадить въ качествѣ судьи г. Журавскаго. Судъ вообще состоялъ изъ профессоровъ, отличавшихся безтактнымъ отношеніемъ къ студентамъ и полицейскими замашками. Излишне добавлять, что засѣданія суда охранялись военной силой, что передъ институтомъ парадировали роты солдатъ съ музыкой и боевыми патронами въ сумкахъ.

Ветеринары обратились къ студентамъ университета. Собралась сходка, одинъ изъ ветеринаровъ сказалъ дѣльную прочувствованную рѣчь, въ которой выставилъ въ надлежащемъ свѣтѣ положеніе студентовъ института, указалъ на солидарность интересовъ студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Слова товарища не остались безплодными. Студенты отправились къ попечителю, т. е. къ Жерве, и требовали удаленія профессора Журавскаго и назначенія суда надъ студентами изъ профессоровъ университета. Жерве потребовалъ депутатовъ, не желая говорить съ толпой. Депутатамъ онъ объяснилъ, что студентамъ университета не слѣдуетъ вмѣшиваться въ дѣла Ветеринарнаго института, что онъ, въ противномъ случаѣ, приметъ самыя строгія мѣры, что надъ ветеринарами уже назначенъ судъ и т. д.

Несолоно похлебавши у попечителя, студенты собрались въ университетѣ обсудить, что дѣлать. Тотчасъ же собралась военная и полицейская сила и окружила собраніе. Подъ защитой штыковъ, на собраніе явились: ректоръ университета, попечитель учебнаго округа, тайный совѣтникъ Жерве, и наконецъ самъ достославный губернаторъ харьковскій, князь Кропоткинъ. Вмѣсто всякихъ разсужденій, начальство потребовало „разойтись“. Студенты взяли честное слово съ попечителя, что никто изъ расходящихся не будетъ арестованъ, и по одиночкѣ начали удаляться. Одинъ студентъ, страдающій припадками эпилепсіи, почему-то замедлилъ уйти и остался на мѣстѣ. Попечитель немедленно указалъ на него губернатору, и герой харьковскихъ избіеній велѣлъ городовымъ схватить студента и волочь его въ часть. Студента поволокли и съ пинками и побоями дотащили до квартала, гдѣ и бросили его въ дежурной комнатѣ.

На другой день на собраніи студентовъ снова появились ректоръ и попечитель. Послѣдній держалъ себя съ наглостью, достойной тайнаго совѣтника. Онъ отпирался отъ своихъ словъ и дѣйствій, несмотря на то, что сотни свидѣтелей уличали его ежеминутно во лжи. Среди этихъ пререканій, толпа разступилась и дала дорогу студенту, арестованному наканунѣ и выпущенному поутру. Прерывающимся голосомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ волненія и негодованія, вновь прибывшій разсказалъ всему собранію, какъ **били его въ части и какимъ оскорбленіямъ подвергался онъ**

ИНВ №123

во время ареста. Сцена произвела потрясающее впечатлѣніе на присутствующихъ; въ толпѣ раздались негодующіе возгласы. Попечитель не потерялъ присутствія духа: желая отвлечь вниманіе слушателей отъ происходившаго, онъ принялся кричать и грозить студентамъ, и скоро уѣхалъ.

Харьковская учащаяся молодежь, весьма основательно усматривая во всѣмъ случившемся новое нарушеніе правъ студентовъ, обратилась въ высшія учебныя заведенія столицъ съ воззваніемъ, въ которомъ, изложивъ харьковскія событія, приглашаетъ къ солидарной агитаціи и помощи въ борьбѣ противъ начальства. Воззваніе это оканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ учащейся молодежи:

„Товарищи! неужели вы оставите этотъ фактъ (насилія начальства въ Харьковѣ) безъ послѣдствій—безъ протеста съ вашей стороны? Неужели мы не дождемся прямого и смѣлаго заявленія отъ васъ, что нельзя бросать живыхъ людей, „какъ мячики, въ Колу, Шенкурскъ и Мезень? Профессора университета заявили намъ свое сочувствіе, они приняли наши депутаціи. Они поддержали насъ добрымъ словомъ участія,—неужели-же мы не дождемся того-же отъ васъ, своихъ товарищей?“

Какъ и слѣдовало ожидать, столичная молодежь не заставила себя ожидать отвѣтомъ. Въ университетѣ и въ М. Х. Академіи посланіе харьковскихъ студентовъ читалось и обсуждалось на громадныхъ собраніяхъ; но такъ какъ исходъ агитаціи въ этихъ двухъ учебныхъ заведеніяхъ былъ различный, то мы и разскажемъ объ нихъ порознь. Въ университетѣ, на одной изъ сходокъ, особенно отличился почтенный А. И. Бекетовъ. Онъ вообще любитъ вступать въ пренія со студентами въ подобныхъ случаяхъ. Въ 1869 году онъ тоже пробовалъ свои силы въ диспутѣ со студентами, хотя нельзя сказать чтобы удачно. На этотъ разъ Бекетову хотѣлось, главнымъ образомъ, помѣшать чтенію харьковскаго окружного посланія. Истощивъ напрасно аргументацію, онъ прибѣгъ къ довольно примитивному способу прекращенія собранія: прерывалъ чтеца посланія, какъ только тотъ открывалъ ротъ, чтобы начать чтеніе. Несмотря, однакоже, на эту довольно наивную мѣру, содержаніе письма сдѣлалось извѣстнымъ студентамъ, и они рѣшили обсудить, что начать. Послѣ этого было нѣсколько собраній, но къ какимъ результатамъ они привели — неизвѣстно. Извѣстно только, что надъ студентами назначенъ уже профессорскій судъ, председателемъ котораго назначенъ Таганцевъ. Въ числѣ приглашенныхъ свидѣтелей мы встрѣчаемъ имена Сѣченова и Бутлерова. Имена судей достаточно знакомы публикѣ; всѣ они не разъ видѣли студенческія волненія, особенно послѣдній изъ нихъ. Не знаемъ, понялъ ли онъ, какъ, въ бытность свою ректоромъ Казанскаго унив., онъ „сверкающей лысиной и смущеннымъ лицомъ“ давалъ свои объясненія удивленнымъ его въ двуличномъ поведеніи депутатамъ отъ студентовъ — Христофорову и Манассеину. Кажется, пора бы понять хоть ему, чѣмъ вызываются студенческія волненія? Вѣдь вотъ съ 1862 года, пятнадцать лѣтъ слишкомъ уже, повторяются они: вѣчно студенты обращаются съ одними и тѣми-же требованіями къ начальству. Нѣкоторые изъ профессоровъ еще помнятъ тѣ времена, когда у студентовъ существовали и читальныя комнаты, и кассы, и сходки. Ни труса, ни потопа, ни моровой язвы отъ этого не происходило, и все-таки профессора эти судятъ и засуживаютъ студентовъ за то, что они снова требуютъ себѣ отнятыхъ правъ. Неужели не ясно для нихъ, что единственный способъ разъ навсегда покончить съ волненіями студентовъ—это удовлетворить ихъ ходатайству. Теперь, когда правительство систематически стремится подавлять высшее образованіе, когда мы дожили до того, что учащуюся молодежь третируютъ хуже крѣпостныхъ былого времени, не мѣшало бы гг. профессорамъ (тѣмъ, разумѣется, которые еще не продали души Толстому) выставить наконецъ правительству всю нелѣпость существующаго положенія высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ М. Х. Академіи рѣшено было, по прочтеніи харьковскаго письма, отправиться къ Наслѣднику для подачи петиціи объ измѣненіи существующаго устава высшихъ учебныхъ заведеній. Въ ночь послѣ этого собранія было арестовано человѣкъ 8 студентовъ; но это нисколько не помѣшало исполненію задуманнаго предпріятія. На другой день утромъ нѣсколько сотъ человѣкъ учащихся двинулись, съ петиціей въ рукахъ, черезъ Воскресенскій мостъ. Вотъ текстъ этой петиціи, уже извѣстный читателю изъ прокламаціи къ „Студентамъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній“.

Ваше Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ!

Въ своемъ воззваніи по поводу событія 4 августа правительство высказываетъ ту мысль, что волненія молодежи причиняются зловреднымъ вліяніемъ горсти лицъ. Если В. В. припомните тотъ рядъ волненій, который проходитъ черезъ нѣсколько лѣтъ, если В. В. обратите вниманіе на то, что эти волненія отразились во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, то едва-ли В. В. согласитесь съ этимъ мнѣніемъ. Самая правильность, неизбѣжная повторяемость этихъ явленій указываетъ на то, что ихъ источникомъ служатъ условія, въ которыя поставлена учащаяся молодежь, — условія, которыхъ она не можетъ долѣе терпѣть. Внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній студенты находятся подъ усиленнымъ полицейскимъ надзоромъ, внутри ихъ студенты все болѣе и болѣе лишаются правъ, которыхъ ни одинъ безпристрастный человѣкъ не можетъ не назвать естественными правами человѣка. Насъ лишаютъ права собраній для обсужденія общихъ дѣлъ; мы не имѣемъ права устроить кассы, хотя бы для взаимной помощи, — во всѣхъ этихъ случаяхъ намъ грозятъ преслѣдованіемъ въ самой неблаговидной формѣ административно-полицейской расправы; за каждое изъ нашихъ собраній намъ угрожаютъ чуть ли не кровопролитіемъ. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о нашихъ правахъ—нашу разъединенность возводятъ въ законъ, тамъ же, гдѣ идетъ вопросъ о нашихъ стѣсненіяхъ—насъ разсматриваютъ, какъ нѣчто цѣлое. Все болѣе и болѣе насъ лишаютъ независимости, необходимой взрослому человѣку, и нѣкоторыхъ изъ насъ, какъ дѣтей, заставляютъ заниматься для репетицій. Постоянно затрудняется пріемъ въ высшія учебныя заведенія, такъ что образованіе скоро станетъ привиллегіею богатства.

Всѣ эти и имъ подобныя стѣсненія должны считаться единственнымъ источникомъ волненій, вродѣ происходящихъ теперь въ Харьковѣ. Мы знаемъ, что ожидаетъ харьковскихъ студентовъ: примѣръ кіевскихъ волненій слишкомъ еще свѣжъ въ нашей памяти,—а между тѣмъ нельзя наказывать людей, когда нужно винить условія, въ которыя они поставлены.

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы, учащаяся молодежь, осмѣливаемся просить В. В. ходатайствовать объ избавленіи нашихъ харьковскихъ товарищей отъ административныхъ преслѣдованій и обратить вниманіе на настоящее положеніе учащейся молодежи.

Подача этого скромнѣйшаго изъ скромныхъ прошеній не обошлась безъ эпизодовъ. Прежде всего передъ студентами хотѣли развести мостъ, но не успѣли. Студенты перешли черезъ него въ то время, какъ онъ разбирался. На Фуштадской имъ загородили дорогу войска съ ружьями на-перевѣсъ. Студенты вступили въ переговоры съ командующимъ и, выигравши такимъ образомъ нѣсколько минутъ времени, пробрались впередъ по-одиночкѣ (часть улицы была свободна отъ войскъ), тронулись по Литейной и, дойдя до Невскаго, повернули къ Аничкину дворцу. При первомъ приближеніи студентовъ, ворота дворца были заперты и во дворѣ его выстроился караулъ.

Въ эту минуту явился Зуровъ. Онъ убѣждалъ студентовъ разойтись и далъ честное слово передать ихъ прошеніе въ руки Наслѣдника. Студенты требовали отвѣта въ трехдневный срокъ.

Отвѣтъ былъ данъ на другой-же день вечеромъ.

Собраніе студентовъ въ М. Х. Академіи было окружено пѣшей и конной силой, и самъ Зуровъ явился къ студентамъ, требуя, чтобы собраніе разошлось. Отъ градоначальника потребовали было объясненій, но вмѣсто объясненій пущены были въ ходъ нагайки. Студентамъ не дали возможности разойтись; тѣхъ, которые пробовали спасаться бѣгствомъ, ловили и били нагайками. Нагайками избито было и большинство находившихся на сходкѣ. Схвачено было 130 человѣкъ, которые и отведены въ казармы московскаго полка. Оказалось немало изувѣченныхъ. Одному раздавили стопню, у другого разбито колѣно, а исполосованныхъ нагайками почти столько-же, сколько и арестованныхъ.

При этомъ происшествіи особенно хорошо заявилъ себя начальникъ Академіи, Быковъ, передавшій студентовъ съ рукъ на руки Зурову безъ малѣйшаго протеста, не сдѣлавъ даже ни малѣйшаго усилія предотвратить бойню.

Профессора высказали свое соболѣзнованіе студентамъ, но, какъ всегда, профессорское вмѣшательство имѣетъ цѣлью затормозить, затушить дѣло, а не хлопотать объ удовлетвореніи студенческихъ требованій. Боткинъ, напримѣръ, увѣщевалъ студентовъ стоять на

законной почѣ; увѣрялъ, что на законной почвѣ студенты — сила.

Боже мой! послѣ побіенія нагайками и увѣчья цѣлой сотни студентовъ за то, что они осмѣлились почтительнѣйше просить его высочество о своихъ нуждахъ,—толкуютъ еще добрые люди о какой-то законной почвѣ!

Говорятъ, впрочемъ, что профессора академіи сильно возмущены нахальнымъ поведеніемъ Зурова и его команды. Желаемъ имъ хоть на этотъ разъ дѣйствовать прямо и честно, по совѣсти. Еслибъ они своевременно хлопотали о нуждахъ и пользахъ студенчества, еслибъ они прислушивались побольше къ голосу учащейся молодежи, заботились побольше о ея нуждахъ,—навѣрное, Россія имѣла бы не одинъ десятокъ лишнихъ медиковъ, которые теперь пропадаютъ въ тундрахъ Сѣвера то за Матвѣевскую, то за Ціоповскую, то за какую-нибудь другую нелѣпую исторію.

Говорятъ, Наслѣдникъ посѣтилъ московскія казармы и разрѣшилъ давать арестованнымъ въ пищу хлѣбъ и кашу. (Награда со стороны его высочества въ отвѣтъ на довѣріе студентовъ къ его просвѣщенному заступничеству за нихъ.)

Заканчивая лѣтопись гнуснѣйшихъ полицейскихъ безобразій, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу сказаннаго, имѣя въ виду преимущественно учащуюся молодежь.

Конечно, нечего и говорить о томъ, что исторія съ Журавскимъ въ Харьковѣ и съ Зуровымъ въ Петербургѣ — прямое послѣдствіе нынѣ установившихся милыхъ порядковъ. Если молодежь и покорялась созданнымъ для нея ученымъ начальствомъ, кромѣ съ III отдѣленіемъ, правиламъ, то покорялась, скрѣпя сердце, терпѣла пока терпѣлось. Теперь дѣло дошло со стороны начальства даже до нагаекъ. Надѣемся, что лучшаго доказательства благихъ намѣреній начальства нельзя и требовать. Остается только два пути для дѣйствія: или немедленно успокоиться, взяться за книжки и признать, такимъ образомъ, легальность расправы съ кнутомъ въ рукахъ; или вести агитацію въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, стараясь поставить вопросъ такъ: или въ университетахъ будутъ студенты, пользующіеся гражданскими и личными правами, или высшія учебныя заведенія останутся безъ студентовъ.

Нечего и говорить, что послѣдній путь единственно-достойный уважающихъ себя людей. Разъ поднятъ вопросъ о такихъ или иныхъ правахъ и гарантіяхъ—необходимо добиваться ихъ во что бы то ни стало! Необходимо разъ навсегда покончить съ студенческимъ вопросомъ, иначе ради него будутъ постоянно періодически приноситься безполезныя жертвы Молоху—начальству.

Всѣ предъидущія студенческія волненія погибали благодаря тому, что не доводились послѣдовательно до конца и не были во-время поддержаны другими высшими учебными заведеніями. Въ настоящій моментъ дѣло серьезнѣе, чѣмъ когда-либо. Надобно пользоваться случаемъ, не слушать гг. профессоровъ и ихъ обѣщаній нехлопотать, совѣтовъ выждать время и т. д. У самыхъ гуманныхъ изъ профессоровъ, у самыхъ честныхъ изъ нихъ всегда задняя мысль въ головѣ: спасать молодежь отъ увлеченій и отъ погибели, — то есть устроять дѣло такъ, чтобы студентамъ дана была возможность продолжать слушать ихъ лекціи, чтобы студенты перестали предъявлять свои требованія начальству.

По нашему, такое спасеніе равносильно погибели. Что думать объ людяхъ, которые, ради возможности слушать лекціи, будутъ хладнокровно смотрѣть, какъ ихъ же товарищей полосуютъ нагайками? Гораздо желательнѣе, чтобы студенты спасли не карьеру, а честь! Въ жизни студентамъ, этимъ будущимъ дѣятелямъ, предстоитъ много тяжелой борьбы. Прожить безмятежно честному человѣку на Руси невозможно. Какого же толку, какой поддержки для правого дѣла можно ожидать отъ тѣхъ субъектовъ, которые, въ годы увлекающейся и горячей юности, спокойно созерцаютъ побіеніе своихъ товарищей гг. Зуровыми?

Гг. профессорамъ мы бы совѣтовали побесѣдовать о законной почвѣ не со студентами, а съ Зуровымъ. Если-же они и въ данномъ случаѣ примутся разводить студентамъ рѣчи о благоразуміи, умѣренности и акуратности, то дадутъ полное право зачислить ихъ въ разрядъ „отпѣтыхъ“.

Такіе люди будутъ совершенно спокойно философствовать о пользѣ смиренія, когда на ихъ глазахъ будутъ душить людей на улицѣ.

Хроника арестовъ. Къ изложенному въ № 1 „Земли и Воли“ объ арестахъ въ Петербургѣ, мы имѣемъ еще добавить слѣдующее: при арестѣ Сабурова, квартиру котораго, говорятъ, нашли по адресу, попавшемуся съ однимъ изъ арестованныхъ, нашли: 18 печатей разныхъ присутственныхъ мѣстъ, три корректуры перваго листа „Земли и Воли“ и нѣкоторыя другія вещи. Всѣ адресы и значительную часть писемъ онъ успѣлъ съѣсть. Сабуровъ обвиняется по 252, 256, 318, 950 и 951 статьямъ, т. е. въ распространеніи книгъ, бродяжничествѣ, участіи въ тайномъ обществѣ и поддѣлкѣ паспортовъ.

На квартирѣ Сабурова взята Ольга Натансонъ, у которой нашли печать какого то учрежденія, шифрованное письмо и записную книжку. Кромѣ того арестовали нѣкоего Соболева (12 окт.), у котораго нашли: три банки съ черной краской, переплетный станокъ и до 100 разныхъ брошюръ. Онъ обвиняется по тѣмъ же статьямъ, какъ и Сабуровъ. — По слухамъ, прокуратура чрезвычайно недовольна тѣмъ, что всѣ подсудимые отказались давать какія бы то ни было показанія, а Сабуровъ—даже писать. — Что касается до Федоровой и Малиновской, то о нихъ говорятъ разно: одни утверждаютъ, что ихъ будутъ судить военнымъ судомъ, другіе опровергаютъ этотъ слухъ.

20 ноября жандармерія удостоила своимъ визитомъ ученицъ петербургской консерваторіи, живущихъ на устроенной начальствомъ квартирѣ при помѣщеніи консерваторіи.

Появленіе нежданныхъ гостей, какъ сообщаютъ, произвело сильную сенсацію между питомицами музъ, несмотря на то, что представители порядка старались быть вѣжливыми до галантерейности. Напр., ученицу, которую требовали въ III Отдѣленіе, жандармскій офицеръ очень любезно попросилъ прогуляться вмѣстѣ съ нимъ до Цѣпного моста.

Во время обыска всѣхъ ученицъ заперли въ одну комнату отъ соблазна. Несмотря однакоже на такія предосторожности, въ консерваторіи только и рѣчи, что о необычныхъ посѣтителяхъ, о соціалистахъ и ихъ отношеніяхъ къ полиціи. Правительство, кажется, намѣрено бросить свою систему — держать подданныхъ въ блаженномъ невѣдѣніи происходящаго вокругъ нихъ, и проводить гласность даже до предѣловъ храма музъ. Что-жъ, и за это спасибо!

Изъ арестованныхъ въ провинціи мы имѣемъ извѣстіе о Сентянинѣ, обвиняемомъ въ участіи въ „исполнительномъ комитетѣ“ и въ вооруженномъ сопротивленіи при арестѣ, и Мирскомъ, арестованномъ въ Кіевѣ. Оба уже перевезены въ Петербургъ.

Что касается до Москвы, то конецъ сентября и начало октября въ ней были особенно обильны обысками и арестами. Между прочимъ, былъ взятъ студентъ Техническаго Училища, Гамовъ, и на другой же день высланъ административнымъ порядкомъ. Затѣмъ жандармерія, по доносу дворника, нагрянула въ квартиру студента того же заведенія, Ермолова, у котораго было найдено до 100 книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія и, кромѣ того, списокъ нѣкоторыхъ техниковъ, числомъ до 30. На спискѣ этомъ противъ каждой фамиліи помѣчены были различныя суммы денегъ. По поводу этого списка произведены обыски человѣкъ у 12 техниковъ, которые были арестованы и затѣмъ снова выпущены на свободу. Задержали долѣе другихъ только Ермолова и еще Савича, у котораго нашли какое то письмо. Послѣдній отказался давать по поводу письма объясненія. На дняхъ Савича и Ермолова выпустили, но директоръ Техническаго Училища велѣлъ Савичу взять свои бумаги. Всѣхъ остальныхъ, числившихся въ спискѣ Ермолова, таскали въ Жандармское Управленіе къ допросу, гдѣ спрашивали у каждаго: какихъ онъ убѣжденій, соціалистъ ли, къ какой именно фракціи соціалистовъ принадлежитъ и почему его фамилія числится въ спискѣ. На этотъ послѣдній вопросъ отвѣчали различно: одни говорили, что это списокъ членовъ кружка по дозволенной кассѣ, существующей въ Техническомъ Училищѣ, другіе, что это списокъ жертвователей на бѣдныхъ студентовъ. На вопросъ же объ убѣжденіяхъ, отвѣчали или отрицательно, или уклончиво, или совсѣмъ отказывались давать показанія. Одного техника польскаго происхожденія допрашивали, напр., такимъ образомъ:

„Вы какой партіи?“

— Я не понимаю вашего вопроса.

„Да вѣдь вы же знаете, что соціалисты дѣлятся на народниковъ, пропагандистовъ и т. д.“

— Вашъ вопросъ страненъ. Еслибъ я и былъ революціонеромъ, то при настоящихъ условіяхъ не сказалъ бы вамъ этого.

„Ну, если вы не хотите сознаться, такъ ужъ пишите, что вы не соціалистъ. Но почему-же вы все-таки не соціалистъ, почему они васъ не завербовали?“

— Можетъ быть, потому, что я полякъ.

„Нѣтъ! они не признаютъ никакихъ національностей!“— отвѣчали жандармы.

Отъ другого техника, говорятъ, требовали, чтобы онъ выразилъ свои вѣрноподданническія чувства. Тотъ отвѣчалъ, что не понимаетъ, чего отъ него хотятъ, какъ ихъ выразить и т. д.

„Вѣдь вы же говорите, что вы не соціалистъ, ну такъ выразите свои чувства“, разъяснили жандармы.

Техникъ приложилъ, наконецъ, руку и изобразилъ что-то вродѣ „нѣсть власти аще не отъ бога“.

Послѣ этихъ допросовъ, по всему городу прошелъ слухъ, что полиція ходила по дворникамъ, заставляя ихъ наблюдать за ящиками для писемъ и газетъ, чтобы никто не опускалъ туда противузаконнаго, а также, чтобы не наклеивали ничего на стѣны и заборы, потому, молъ, что затѣвается бунтъ, который долженъ быть опубликованъ такимъ образомъ.

Въ началѣ ноября послѣ небольшого затишья, аресты опять возоб-

новились. На этотъ разъ были взяты три или четыре женщины, но скоро снова были выпущены. — 12 ноября арестовано двое рабочихъ; одинъ изъ нихъ Николай Филиповъ за недѣлю до ареста поступилъ было въ Техническое Училище. Затѣмъ аресты снова прекратились. Говорятъ, что въ той полицейской части, гдѣ наиболѣе живутъ техники, увеличено число будочниковъ на 30 человѣкъ.

ИЗВѢСТІЯ.

Съ Новой Бумагопрядильни. Читатели поймутъ стачку на Новой Бумагопрядальнѣ, что на Обводномъ каналѣ, стачку, надѣлавшую столько шуму въ Петербургѣ и провинціальныхъ городахъ. Въ настоящее время на той же фабрикѣ случилось слѣдующее, не лишенное интереса, происшествіе. 8 ноября (Михайловъ день) рабочіе этой фабрики не явились на работу, мотивируя свое отсутствіе тѣмъ, что, дескать,—праздникъ, работать грѣхъ; между тѣмъ на остальныхъ фабрикахъ работа шла своимъ чередомъ, и такъ какъ каждый рабочій день 2000 чел. приноситъ очень значительный барышъ гг. хозяевамъ Нов. Бум., то естественно, что такое воздержаніе пришлось имъ очень не по вкусу. Чтобы вознаградить себя, гг. хозяева рѣшили увеличить рабочій день съ 13 ч. (отъ 5 ч. утра до 8 ч. вечера, съ вычетомъ 2 ч. на ѣду), какъ это было до сихъ поръ, до 13¼ и продолжать работу на этихъ условіяхъ пока изъ этихъ кусочковъ времени не составится полный рабочій день.

Два дня работа на фабрикѣ продолжалась до 8¼ ч., возбуждая общее неудовольствіе рабочихъ; но на третій день кому-то пришло въ голову завернуть главный газопроводный кранъ въ 8 ч. и такимъ образомъ прекратить работу. Какъ только кранъ былъ завернутъ, рабочіе подняли крикъ, начали бить стекла, портить основу (попорчено 9 основъ) и густой толпой повалили съ фабрики. Вѣрный союзникъ отечественной промышленности, полиція не успѣла на этотъ разъ явиться во время для возстановленія „тишины и порядка“, но за то на другой день послѣ этого происшествія на фабрику явилась цѣлая масса охранителей и до сихъ поръ еще работа продолжается въ ихъ присутствіи, хотя уже не до 8¼, а только до 8 часовъ.

Началась разборка: кто потушилъ, не видалъ ли кто, кто могъ это сдѣлать? Человѣкъ 7 рабочихъ таскали въ участокъ, но они отвѣчали, что ничего не знаютъ. Приставъ (тотъ самый, что во время стачки, уговаривая рабочихъ идти на работу, угощалъ ихъ апельсинами и поилъ водкой) горячился и кричалъ, что онъ „ушлетъ ихъ въ Архангельскую губ.“(!); но и это не помогло. Одна женщина, которая работала недалеко отъ крана, будучи спрошена, показала, что какой-то человѣкъ съ лицемъ, завязаннымъ передникомъ, влѣзъ на лѣстницу и затворялъ кранъ. Такъ и до сихъ поръ не извѣстно, кто потушилъ газъ, хотя полиція употребляетъ всѣ усилія для розысканія виновнаго и фабрика кишитъ полицейскими.

— Намъ доставлены слѣдующія свѣдѣнія относительно **положенія административно-политическихъ ссыльныхъ** въ Европейской Россіи:

„Изъ Великаго Устюга отправляютъ студента Голубова пѣшкомъ по этапу (онъ мѣщанинъ), да еще почему-то находятъ нужнымъ надѣть на него ручные кандалы. И приходится несчастному студенту тащиться по грязнымъ дорогамъ, въ теченіи 63-хъ дней, съ браслетами на рукахъ, неизвѣстно почему.

Весьма своеобразно понимаютъ также исправники надзоръ полиціи. Напримѣръ, Шенкурскій исправникъ понялъ его такъ: онъ выдалъ предписаніе городовому, гдѣ было изображено: „Предписываю тебѣ наблюдать за такими-то и приказываю являться къ нимъ на квартиру, входить въ комнаты и удостовѣряться, дома ли они. Это дѣлать днемъ и ночью не менѣе 2 разъ въ сутки и не болѣе 1 раза въ часъ“. Такъ поступаетъ Шенкурскій исправникъ, а про него говорятъ, что онъ самый гуманный изъ всѣхъ архангельскихъ исправниковъ.

Холмогорскій же помощникъ исправника идетъ несравненно далѣе. Онъ въ одинъ прекрасный день рѣшилъ, что, такъ какъ нельзя услѣдить за ссыльнымъ Лопатинымъ, то онъ считаетъ нужнымъ посадить его въ тюрьму. Нелегко было Лопатину избавиться отъ этакой напасти!“

Изъ Кіева*) о студенческихъ волненіяхъ намъ пишутъ:

Слухи о студенческихъ волненіяхъ въ Харьковѣ, Петербургѣ и Москвѣ, сначала темные и сбивчивые, но съ каждымъ днемъ становившіеся все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе, расшевелили и наше студенчество; этому немало способствовали опубликованныя въ газетахъ правительственныя мѣропріятія, расширявшія произволъ и опеку полиціи въ отношеніи къ студентамъ и приравнивающія высшія учебныя заведенія къ площадямъ и улицамъ. — Заволновалось наше студенчество, начались сходки сначала на частныхъ квартирахъ, а затѣмъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ собрались въ стѣнахъ университета, гдѣ и было рѣшено собрать генеральную сходку въ понедѣльникъ, 11 декабря. Не знаю, нужно ли прибавлять, что полиція, оповѣщенная обо всемъ происходившемъ, приняла свои мѣры противъ „безпорядковъ“. Утромъ 11 декабря студенты, начавшіе собираться въ университетъ, нашли всѣ входы запертыми и охраняемыми полиціей и жандармами, а на входныхъ дверяхъ увидѣли объявленіе, оповѣщающее гг. студентовъ, что лекціи, по случаю праздниковъ, прекращаются по распоряженію университетскаго начальства. Тутъ вышелъ казусъ: въ то время, какъ у входа скопилась кучка недоумѣвающихъ студентовъ (прекращеніе лекцій было для нихъ неожиданнымъ сюрпризомъ), подъѣхалъ проректоръ, лицо несомнѣнно принадлежащее къ числу начальства, и былъ крайне удивленъ объявленіемъ, вышедшимъ по распоряженію начальства. Полиція, распорядившаяся о вывѣшиваніи вышесказаннаго объявленія, этимъ не ограничилась, а продолжала принимать свои обыкновенныя мѣры: дворъ хибедской части, помѣщающійся рядомъ съ зданіемъ университета, былъ наполненъ казаками, дворъ старо-кіевской—тоже; у зданія университета появилась цѣлая толпа переодѣтой и непереодѣтой полиціи. — Около 12 часовъ объявили входъ въ университетъ дозволеннымъ (до сихъ поръ пускали только по одиночкѣ). Публика хлынула въ корридоръ, но нашедши вторыя двери запертыми, выломала ихъ. Явился ректоръ, несъ какую-то околесину, обращая вниманіе на то, что двери повреждены, и затѣмъ удалился. Погалдѣла публика и разошлась, рѣшивши собраться на другой день съ цѣлью подачи петиціи попечителю и заявленія своей солидарности съ петиціей, поданной петербургскими студентами Насѣкину. — На слѣдующее утро, совершенно неожиданно, 10 студентовъ были повѣстями приглашены новымъ ректоромъ Бунге (онъ только наканунѣ вступилъ въ отправленіе своей должности) по студенческимъ дѣламъ. Избранные явились. Ректоръ съ свойственнымъ ему многословіемъ объяснилъ приглашеннымъ, что, ставши на нелегальную почву, они лишаются его содѣйствія; если же гг. студенты будутъ вести себя паиньками, то онъ, ректоръ, обѣщалъ хлопотать о разрѣшеніи студентамъ лекторіи, кассы и права сходокъ; онъ, ректоръ, самъ находитъ много недостатковъ въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ, но улучшать его слѣдуетъ постепенно, законнымъ путемъ, съ божіей и его, ректорской, помощью. Съ „толпой“ говорить ректоръ отказался. Сходка разошлась, рѣшивши послѣ праздниковъ потребовать отчета у ректора о результатѣ его ходатайства.

Подождемъ — увидимъ, чѣмъ кончатся эти волненія.

*) **Вмѣсто извѣстій изъ Кишинева и Одессы, помѣщаемъ кіевскія извѣстія, какъ болѣе интересныя.**

ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Союзъ Ливорнскихъ студентовъ. Въ „Итальянской Газетѣ“ помѣщено извѣстіе объ основаніи среди Ливорнскихъ студентовъ союза въ память Карла Нобилинга. Приводимъ въ переводѣ текстъ манифеста основателей, рисующій передъ нами какъ цѣль новаго союза, такъ и настроеніе представителей итальянской молодежи:

„Передать будущимъ поколѣніямъ память о великихъ людяхъ, работавшихъ перомъ, словомъ и дѣломъ во имя освобожденія человѣчества—задача достойная служителей великой идеи. Одушевленные этими чувствами Ливорнскіе студенты рѣшили образовать союзъ имени Карла Нобилинга, имѣя при этомъ въ виду, съ одной стороны, указать всему народу на великое историческое значеніе безстраннаго нѣмецкаго философа; съ другой, пользуясь его именемъ, характеризовать цѣль самаго союза, который намѣревается посвятить себя борьбѣ за полное и всестороннее освобожденіе человѣчества отъ тройственнаго гиста: государства, капитала и религіи. Студенты! Если вамъ дорога побѣда истины и справедливости, собирайтесь подъ знамя нашего союза и готовьтесь къ борьбѣ съ нашими угнетателями, девизъ которыхъ резюмируется въ словахъ: насиліе, деньги и религія.

Ливорно, 26 октября 1878 года.“

Намъ остается только привѣтствовать нашихъ итальянскихъ товарищей, представителей Ливорнской интеллигентной революціонной молодежи и пожелать имъ успѣха въ ихъ благомъ начинаніи.

Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать итальянской революціонной молодежи чувства глубокой братской солидарности нашей. Среди представителей молодого поколѣнія различныхъ странъ Европы, по духу и направленію всегда самой близкой къ русской молодежи была итальянская. Изъ нея, какъ и изъ нашей молодой интеллигенціи, вербовались силы революціонныхъ партій. Итальянскую молодежь мы видимъ всегда въ рядахъ „святого гониства свободы“: мы видѣли ее и на чехѣ безнадежно-отважныхъ инсургентовъ оклеветаннаго Беневентскаго возстанія, видѣли ее всюду, гдѣ надобно было рисковать ради идеи освобожденія человѣчества.

Русскіе революціонеры постараются быть достойными товарищами своихъ итальянскихъ собратьевъ.

НА СВѢЖУЮ ВОДУ!

(извѣстія, замѣтки, слухи, курьезы.)

Изъ закулисныхъ продѣлокъ цензуры. — Въ союзѣ съ III Отдѣленіемъ, цензура принялась за аресты. Цензорамъ дано строгое внушеніе внимательнѣе выслѣживать „злую и порочную волю". Изъ ноябрьской книжки „Отеч. Зап." вырѣзаны статьи: Щедрина (объ урядникахъ) и Михайловскаго „Отвѣтъ Цитовичу". Такимъ образомъ, Цитовичъ признается выразителемъ правительственныхъ взглядовъ...

— Арестовано, далѣе, 2-е изданіе книги Пыпина и Спасовича „Исторія славянскихъ литературъ", которая должна была выдти 18 ноября. Причиной ареста послужило то, что въ этой книгѣ, по примѣру 1-го изданія, есть глава о малорусской литературѣ,—между тѣмъ какъ г. Пыпину должно было быть извѣстно, что Малороссію, малороссійскій языкъ и литературу, по волѣ царской, велѣно считать нетолько не существующими, но даже никогда и не существовавшими. Эхъ, г. Пыпинъ! какой же вы ученый, если пишете трактаты о небывалыхъ вещахъ? Развѣ вы не знаете, что Шевченко никогда не жилъ и ничего не писалъ? Вотъ за то и казнитесь теперь!

— Въ дѣлѣ розысканія нитей и корней, особенною проницательностью, доходящей до сомнамбулизма, отличается Тимашевъ. Сей мудрый опекунъ русской печати въ стихотвореніи „Передъ зарей", помѣщенномъ въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстн. Евр.", открылъ такіе ужасы, о которыхъ, вѣроятно, и во снѣ не снилось ни редактору, ни другимъ „проницательнымъ" читателямъ. Городскіе слухи утверждаютъ, что Тимашевъ призвалъ къ себѣ Стасюлевича и обратился къ нему, примѣрно, съ такимъ восклицаніемъ: „Бунтъ! Революція! Разорю! Не потерплю!" и т. п. Далѣе, министръ высказалъ догадку, что въ стихотвореніи вычеркнуто „посвященіе": эти стихи, по его мнѣнію, посвящаются „кинжальщикамъ". Далѣе, подъ „зарей", по толкованію министра, надо разумѣть „революцію", „гады", бѣгущіе отъ свѣта, — это особы августѣйшей фамиліи и министры!... и пошелъ, и пошелъ! Вотъ ужь, по истинѣ, чисто министерская проницательность.

Въ заключеніе, унявшійся Тимашевъ подарилъ Стасюлевичу краскрасный карандашъ: марайте, молъ, марайте больше!

— Въ Москвѣ вышла небольшая и совершенно безобидная книжка „Четыре фазиса нравственности". Цензура однако не пропустила книжки.

„Что же въ ней нецензурнаго?", спрашиваютъ [illegible] цензурнаго комитета.

„Несмотря на критическое отношеніе къ утилитаризму, авторъ все-таки находитъ въ немъ хорошія черты".

„Но вѣдь эта книжка научная, изъ числа тѣхъ, къ которымъ цензурный уставъ относится благосклонно, и вы, задерживая книгу, прямо нарушаете законъ".

„Да, какже! Намъ за соблюденіе устава присылаютъ каждую недѣлю особыя головомойки изъ Петербурга отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати!"—раздраженно отвѣтилъ цензоръ.

Книжка вышла съ значительными помарками.

Варѳоломеевская ночь. Съ 13-го ноября чуть не въ каждомъ домѣ въ Петербургѣ говорятъ о „Варѳоломеевской ночи". Одни ожидаютъ повальнаго жандармскаго обыска у всѣхъ петербургскихъ жителей, другіе — уличной рѣзни. Вѣрно только одно, что въ петербургскихъ казармахъ содержится подъ ружьемъ нѣсколько ротъ солдатъ, и по ночамъ бродятъ по городу вооруженные патрули. Идея ночного нападенія на Петербургъ не нова. У Щедрина въ „Исторіи одного города" упоминается градоначальникъ, который бралъ городъ Глуповъ штурмомъ; но только тотъ за это „похвалы не получилъ", а былъ „отставленъ съ распубликованіемъ".

Отголоски правительственнаго сообщенія о подкапывателяхъ основъ. — Полиціймейстеръ города Ростова на Дону, г. Сербиновъ, вдохновившись правительственнымъ сообщеніемъ насчетъ соціалистовъ, перепечаталъ его въ 1000 экземплярахъ и, при особомъ приказѣ, распространилъ его по городу. Приносимъ искреннюю благодарность этому ревнителю соціализма. Теперь всѣ обыватели, съ легкой руки градоначальника, начнутъ интересоваться вопросомъ о соціализмѣ. А этимъ уже половина нашего дѣла сдѣлана.

— Въ Глуховскомъ уѣздѣ одинъ помѣщикъ, начитавшись правительственныхъ сообщеній о „подкапываніи основъ" и необходимости „стать на стражѣ", рѣшилъ принять соотвѣтствующія мѣры для обезпеченія своей безопасности.

Свой хуторъ онъ обнесъ высокимъ частоколомъ, окопалъ глубокимъ рвомъ, закупилъ огнестрѣльнаго оружія, пороху и учредилъ денную и ночную стражу вокругъ дома.

Такое необычайное поведеніе навело на помѣщика подозрѣніе мѣстнаго исправника, который явился къ нему съ обыскомъ и потребовалъ объясненій насчетъ постройки временнаго укрѣпленія на мѣстѣ мирнаго помѣщичьяго хутора.

—„Въ правительственномъ сообщеніи говорится о подкопахъ—я въ предупрежденіе такого несчастія вырылъ канаву. Велѣно стать на стражѣ—я нанялъ сторожей и далъ имъ ружья. Кажется, я исполнилъ свою обязанность и не знаю, чего еще отъ меня требуютъ!" —отвѣчалъ точный исполнитель предписаній правительства, на вопросъ исправника.

Урядники и гласность. Въ № 235 „Бирж. Вѣдом." была помѣщена корреспонденція изъ Суджанскаго уѣзда, въ которой передавались факты, характеризующіе дѣятельность урядниковъ. Въ „Прав. Вѣстн." отъ 3 ноября появилось отъ министра внутр. дѣлъ разъясненіе, изъ котораго оказывается, что сообщенные корреспондентомъ факты вѣрны и что правительство „не оставляетъ и впредь не будетъ оставлять ни одного изъ доходящихъ до него свѣдѣній о неправильныхъ дѣйствіяхъ полицейскихъ урядниковъ безъ должнаго вниманія и самаго тщательнаго изслѣдованія, результаты коихъ всегда будутъ доводимы до всеобщаго свѣдѣнія".

Такая заботливость правительства объ охраненіи гражданъ отъ нападеній со стороны полиціи является актомъ необыкновенно либеральнымъ и трогательнымъ, особенно если принять во вниманіе, что тотчасъ послѣ появленія упомянутой корреспонденціи всѣ періодическія изданія получили приглашеніе со стороны министра внутр. дѣлъ „воздержаться отъ всякихъ обличительныхъ и порицательныхъ статей по отношенію къ полиціи, ограничиваясь свѣдѣніями, сообщаемыми въ „Прав. Вѣстн". Послѣдній превращается положительно въ органъ полицейскихъ урядниковъ: недавно онъ прочелъ строгую нотацію „Новому Времени" за недостаточно-умилительное отношеніе къ урядической дѣятельности.

Ходятъ слухи, что Мезенцева убилъ вел. князь Николай Константиновичъ. Любопытно видѣть, съ какимъ упорствомъ молва приписываетъ уголовщину членамъ царской семьи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда противъ подобнаго предположенія говорятъ очевидные факты.

Бѣда за бѣдой. „У интендантскаго чиновника маіора Тимофеева изъ 470,000 пуд. сѣна въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ высохло(!!) 150,000 пуд., и разнесло вѣтромъ(!!) до 3,500 пуд." (Нов. Вр. № 980). И его же, несчастнаго чиновника, обвиняютъ еще въ принятіи подмоченной муки „для воиновъ" и другихъ тому подобныхъ дѣйствіяхъ. Неужели безжалостный слѣдователь не остановится въ умиленіи передъ трагическимъ, небывалымъ зрѣлищемъ внезапно поднявшагося вихря, тучи рогожъ, летящихъ на небо, и интендантскаго чиновника Тимофеева, рвущаго на себѣ волосы?!

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Отвѣтъ на письмо въ редакцію, писанное по порученію кружка „раздѣляющихъ нашу программу". Если вы не настаиваете на опубликованіи вашего письма, то мы, съ своей стороны, не видимъ въ этомъ надобности. Мы надѣемся, что послѣдующіе №№ „Земли и Воли" дадутъ объясненія на ваши запросы. Отвѣтъ на каждый изъ предлагаемыхъ вами вопросовъ потребовалъ бы особой статьи, и уже по одному этому вы напрасно надѣялись найти его въ первомъ №.

Статья „По поводу подвиговъ прессы" вызвана необходимостью отвѣтить на нападенія противниковъ.

„Письма чистосердечнаго россіянина" только начаты въ первомъ №, и мы желали бы знать, не перемѣните ли вы своего мнѣнія, прочитавъ второе.

— Получено: отъ „кружка сочувствующихъ" изъ г. N 30 р.— отъ „сочувствующихъ" изъ Казани 30 р., — изъ провинціи отъ А. 5 р., — отъ „сочувствующихъ" изъ Н. 5 р. 79 к., — отъ „покаявшагося жандарма" 150 р., — отъ „представителя экономической гармоніи" 100 р., — собранные отъ „Міра" 40 р., — отъ К. У. черезъ В. О. 44 р. и 6 р. въ счетъ годовой подписки, итого — 50 р.

О полученіи денегъ будетъ публиковаться только въ тѣхъ случаяхъ, когда того пожелаютъ сами жертвующіе. Ред.

— Редакція „Впередъ" проситъ насъ сообщить, что ею получены: отъ Ф. К.—100 р.—изъ П. отъ С.—еще 200 р,—изъ К. отъ V—10 р.

Извѣщенія о всѣхъ прочихъ денежныхъ взносахъ, статьяхъ и т. д., пропущенныхъ въ V т. „Впередъ", а также о полученныхъ по его выходѣ въ свѣтъ, будутъ помѣщены при первой же имѣющей выйти книгѣ изданія редакціи „Впередъ".

Опечатки. Въ № 1 „Земли и Воли" въ статьѣ „О подвигахъ прессы", и въ декабрьской книжкѣ „Вѣстн. Европы" въ статьѣ по поводу нашей газеты упоминается о Милошѣ Обреновичѣ, какъ о героѣ Косова поля; просимъ читателей исправить эту грубую ошибку: слѣдуетъ читать Милошъ Обиличъ.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ № 2 „Земли и Воли" вмѣсто „Каменская станица", напечатано „Калинская ст.", —вмѣсто „Еланская ст." —„Слонская ст.", вмѣсто „Раскопинская ст." —„Раскольничья", а вмѣсто „30-й казачій полкъ" —3-й казачій полкъ".

„Петербургская Вольная Типографія". 20 декабря 1878 г.

Государственный музей политической истории России
КП. 51106/48
Фонд XIV
Инв. № 123
-5.12
17897